

Максим Хмелев

Волокдарм

Максим Хмелев

Волокдарм

«Издательские решения»

Хмелев М.

Волокдарм / М. Хмелев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746614-5

Что если первые разумные создания на Земле были не люди, что если при сотворении мира Бог выгнал из своих домов... Да, они ушли, но забыли ли они про это или однажды вернуться, чтобы отомстить? Готовы ли люди к их возвращению? Как можно бороться с врагом, о котором ты даже и не слышал...

ISBN 978-5-44-746614-5

© Хмелев М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Волокдарм

Максим Хмелев

© Максим Хмелев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Испытания Джона

Наконец-то после изнурительно-знойного дня вступала в свои права ночь.

В этом году в Бостоне выдалось особенно безжалостное лето, днем температура в тени не опускалась ниже сорока пяти градусов. Листья деревьев, не успев позеленеть, начинали желтеть, жухнуть и опадать. Воздух наполнялся испарениями, идущими от земли. Асфальт, когда по нему кто-нибудь шел, проминался под ногами идущего. (Эту жару уже успели назвать природным катаклизмом и отметить, что такого лета в Бостоне никогда еще не было.) И лишь только ночью, когда на небесном посту солнце уступало свое место луне, наступала легкая прохлада. Она окутывала город, словно любящая мать своё родное дитя, укладывая его спать.

Изнывала от жары не только природа, но и люди. Днем они быстро перемещались по своим делам, стараясь как можно скорее перейти из одного прохладного места в другое, из одного здания в другое, при этом употребляя огромное количество различной жидкости, начиная от натурального сока и кончая пивом. И лишь продавцы прохладительных напитков были хоть немного рады установившейся жаре, так как за неделю они получили свою годовую прибыль.

И только тогда когда на небе появлялась луна, люди позволяли себе немного расслабиться, и не спеша побродить по улицам. Но таких находилось не очень-то и много, так как в основном они предпочитали оставаться дома и во сне набираться сил перед предстоящим не менее трудным трудовым днем.

Из умиротворенной прохладой ночной картины выделялся только лишь один человек. Это был высокий мужчина, одетый в светлую рубашку с коротким рукавом и светлые брюки, явно спешивший куда-то. Быстро, смотря только лишь вперед, он переходил с одной улицы на другую.

Но через некоторое время Джон замедлил свой ход и начал осторожно передвигаться, постоянно оглядываясь по сторонам, словно почуяв какую-то опасность. Потом вообще остановился и обернулся назад, но там никого не оказалось. И когда он уже собирался идти дальше справа от него кто-то крикнул:

– Эльф.

Он удивился. Ведь его-то как раз, так и звали, за то, что он мастерски управлялся с любым стрелковым оружием, начиная от простого лука и кончая новейшими автоматами. Но кто здесь мог знать об этом? Ведь кроме ребят, с которыми он работал в секретной организации «Логос», подчиняющейся только непосредственно Премьер-министру Англии про это никто не знал. Значит либо здесь находился кто-то из них или просто звали не его. С этими мыслями он обернулся на голос. И то, что он увидел там, поразило его, и даже если бы перед ним сейчас стоял сам Бог он, наверное, не так удивился бы этому. Но из темноты вышел Крок. Да именно тот самый Крок, который, как думал Джон, погиб в Лас-Вегасе при выполнении очередного задания. И в смерти которого Джон, прежде всего, винил самого себя.

– Кто ты? – он еще до конца не мог поверить, что перед ним стоял Крот, так звали в отряде Крока за то, что он мог ориентироваться в полной темноте и с закрытыми глазами.

– Кто, кто конь в пальто, – ответил Крок, который практически не изменился за ту пару лет, что Джон не видел его, но возможно это только так показалось, из-за света, который хотя и исходил от луны, но был очень тусклым, и плохо освещал его. – Ты что не обнимешь своего боевого товарища, которого давно не видел?

– Ты не Крот. Крот мёртв, – недоумевал Джон.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, пусть Крот будет мертв, в этом ты как раз то и прав, он действительно мертв. Но тогда, по-твоему, кто я? – спросил Крок, с любопытством смотря на Джона.

– Откуда мне знать, кто ты? – удивился Джон. И хотя в глубине души он уже знал ответ на этот вопрос, но разумом еще отказывался его принимать. – И кстати, откуда ты знаешь мою кличку?

– А почему я должен не знать ее, если я несколько лет подряд называл тебя именно так, – настала очередь удивляться Кроку. – Но, а если насчет того, кто я. Так ты, наверное, и сам уже догадался.

– Но, ты же сказал, что Крот мертв?

– Да, он действительно мертв, нет больше старины Крота, но зато теперь появился просто Крок.

– Да, но тогда я ничего не понимаю, если ты действительно Крок, тогда как я мог видеть твой труп в Вегасе?

– Чтоб окончательно развеять твои сомнения я покажу тебе кое-что, – они подошли к фонарю, и Крок задрал вверх футболку, в которую был одет, показал на левой груди татуировку в виде крота, ползущего по лабиринту, и совсем маленькую роспись, в которой Джон без труда узнал свою. – Теперь ты веришь, что я Крок?

– Но тело... Твой труп. Я же видел его собственными глазами, – недоумевал Джон, окончательно убедившись, кто стоит перед ним.

– погоди немного. Пошли лучше в какое-нибудь кафе, там и поговорим, – предложил Крок. – Я как раз не далеко видел одно, по-моему, неплохое.

– Ладно, хорошо, пошли, – согласился Джон.

Но, не пройдя нескольких метров, Джон резко остановился, ударил себя ладонью по лбу и сказал:

– Черт, дурак, я же совсем забыл. Крок, – окликнул он Крока, который, не заметив того, что он остановился, продолжал идти дальше.

– Что? – обернувшись, удивился Крок. – Что случилось? – заинтересовался он.

– Я совсем забыл, что у меня назначена важная встреча, и я обязательно должен быть там, – Джон взглянул на часы. – Через десять минут, так что извини, но я не могу сейчас идти с тобой. Давай лучше завтра с утра?

– Я тебе скажу, что это твоя встреча была назначена со мной.

– Как? – удивление Джона было безграничным. – Но ради этой встречи меня отделили от основной группы, которая улетела выполнять опасное задание в Японию, а меня направили сюда. Я, правда, не знаю, с кем должен был встретиться, мне только сказали место и время встречи. Но я никак не ожидал, что это должна была быть встреча с тобой.

– Но это так, – Крок подошел к Джону и дружески похлопал его по плечу.

– Но место и время не совпадают, – не унимался Джон.

– И все же... – Крок взял Джона под руку. – Пойдем, мы уже практически пришли. Там я тебе всё и объясню.

Через несколько минут они уже подходили к небольшому кафе, перед входом в который висела большая красочная вывеска с названием «Элериум», написанным разноцветными буквами, подсвечивающимися изнутри. Но что обозначает это название ни Крок, ни Джон так и не поняли, да в принципе они и не пытались этого сделать.

Войдя внутрь, они выбрали себе самый отдаленный столик, чтобы никто не смог помешать их разговору. И через несколько минут, когда сделанный ими заказ уже стоял перед ними, они продолжили свой разговор.

– Я знаю, что ты хочешь спросить у меня, – Крок заказал себе только стакан апельсинового сока. Сделав небольшой его глоток, он продолжил. – Ты, во-первых, хочешь знать, что же случилось в Вегасе. Я прав?

– Да, – подтвердил Джон. И выпив пятьдесят грамм неразбавленной русской водки запил ее лимонным соком. Пить водку он приучился еще в юности, когда проходил стажировку в России. – Я же сам видел твой труп.

– А труп ли ты видел? Вспомни Джони, – попросил Крок.

– Сейчас я в этом уже не уверен, но тогда... – он выпил соку. – Я видел, как ты лежал ничком на земле, и из тебя вытекала кровь. Мы не могли сразу осмотреть твоё тело и оказать в случае чего медицинскую помощь, мы рисковали бы тогда не только своей жизнью, но и жизнью Премьер-министра, а потом, после окончания операции, после убийства последнего террориста мы вернулись за тобой, но тебя уже нигде не было.

– Да действительно я тогда упал, действительно полилась кровь, но она текла не из меня, а из-под меня, из маленького пакетика, который я раздавил, когда падал. И еще, та кровь действительно была моя, несколькими часами ранее я заполнил пакетик кровью из своей руки. Помнишь, когда мы выходили на дело, у меня была порезана рука.

– Да что-то такое я припоминаю. У тебя, кажется, был порез от запястья до локтя. Мы тогда, помнится, не хотели брать тебя из-за этого на операцию, – вспомнил Джон.

– Да, ты прав. Именно из этой раны я наполнил пакетик кровью для большей правдоподобности, – договорив, Крок сделал глоток сока, промочив свое пересохшее горло.

– Но зачем ты поступил так? – в глазах Джона чувства ненависти и злобы, медленно сменялись ожиданию и болью. – Хотя бы ради нашей прошлой дружбы ответь мне.

– Зачем... Знаешь, это сложно объяснить...

– А ты попробуй! – взорвался Джон.

– А ты поймешь? – с интересом взглянул Крок на Джона.

– Уж как-нибудь постараюсь.

По виду Крока было видно, что осмотр Джона его полностью удовлетворил. И он продолжил.

– Так вот что я хочу тебе сказать на этот счет: знаешь, интересы отдельного государства, каким бы великим и могущественным оно не было, всегда меньше интересов всего человечества. Так вот я ушел в защитники Земли.

– Так, так, так, интересно... Передо мной сидит сам защитник Земли, – съязвил Джон. – Ничего интересней ты, конечно же, не мог придумать? Скажи честно, ты перешел к конкурентам, и хочешь меня к ним переманить. Ну, что я прав?

– Да, действительно и у меня тоже поначалу были сомнения. Но те, кто меня вербовали, показали мне одну вещь, после которой я сразу поверил. Прости, но я не могу тебе сейчас об этом рассказать. Да и ничем сверхъестественным я сам не обладаю и ты должен верить мне на слово, а я действительно хочу, чтобы ты работал у нас и сменил моего напарника, которого недавно убили. Жаль его, – Крок горестно вздохнул. – Толковый был парень.

– И от кого же вы защищаете Землю: от трехногих и десятиголовых инопланетян, или от вампоборов, которые днем волки, а ночью, словно по повелению волшебной палочки, становятся летучими мышами? – Джон истерически заржал. – Знаешь, я тоже в них верю.

– Смешно, да? – Крок взял со стола свой стакан, выплеснул остатки сока Джону в лицо. И тут же подал ему салфетку лежащую на столе. – На, вытри.

– Спасибо, – резко перестав ржать, Джон поблагодарил Крока, вытирая салфеткой лицо.

– Нет. Мы не воюем против каких-то твоих вампоборов, – Крок покачал головой. – Какое слово только придумал. Так вот, главным врагом человека является, прежде всего, сам человек. Его жажда наживы и власти. И хотя я точно не знаю, кто возглавляет нашу организацию, зато я точно знаю, не будь ее, и мир давно бы погряз в мировых войнах.

– Так вы сражаетесь только против человека? – переспросил Джон.

– Нет. Не только. Но в основном. Хотя против кого еще борется и с кем сотрудничает наша организация, я пока не имею права тебе рассказывать.

– Но как вам удалось таким странным образом организовать нашу встречу, и зачем вам понадобился именно я?

– Верить, нет, я и сам точно не знаю как организовали нашу встречу, я только точно знаю, что это было не так уж и трудно сделать. Я ответил на твой первый вопрос, – Крок загнул палец. – А ответ на твой второй вопрос заключается в том, что ты нужен именно мне. В нашей организации нужны высококлассные бойцы, но самое главное я могу на тебя полностью положиться.

– У меня есть время на размышление? – голос Джона был спокоен, он был полностью сосредоточен. – А то ты сначала говоришь только лишь одними загадками, а потом еще и предлагаешь выбор неизвестного.

– Да, несколько минут, – ответил Крок. – Я сейчас выйду и закурю сигарету, и как только я докурю ее и выброшу бычок, твое время истечет, и я уйду. Только помни, если ты за это время не выйдешь, то мы с тобой сегодня не виделись.

Крок встал из-за стола и подозвал официанта, после того как тот к нему подошел, Крок достал бумажник и, расплатившись по счету, вышел на улицу.

Уставившись на свой недопитый стакан сока, Джон несколько минут просидел молча. Потом, подойдя к стойке бара, выпил сто грамм водки и вышел на улицу. Там он увидел, как Крок уже докурив сигарету, выбрасывает ее в стоящую рядом с дверью урну.

– Я согласен, – сказал Джон, подойдя к нему.

– Честно сказать я так и думал, – ответил ему Крок.

– Только у меня просьба. Ни уходи больше так по-английски, не прощаясь. Предупреди в следующий раз хотя бы меня.

– Хорошо, – Крок согласно кивнул головой.

– И еще одно. Почему ты сказал, что Крот умер?

– Все мое время... – задумчиво вздохнул Крок. – Очень скоро я тебе об этом расскажу. А теперь пошли по мотелям. Завтра ты мне понадобишься свежим и выспавшимся, и притом рано утро.

Крок с Джоном пожали друг другу руки, и Крок пошел прочь, а Джон стоял и смотрел в след удаляющемуся другу, пока тот, не завернув за угол соседнего дома, не скрылся из виду.

В эту ночь Джону даже на мгновение не удалось сомкнуть глаз из-за терзавших его душу сомнений. Он то лежал на кровати, ворочаясь и постоянно переворачиваясь с одного бока на другой, то вставал и бродил по номеру, пару раз он даже выходил на улицу, но и там не найдя для себя никаких ответов, возвращался обратно. А однажды он уже было собрался выехать на своем форде красного цвета, покататься по городу, но в последний момент, когда он уже завел мотор, передумал.

В какую авантюру он ввязался?

Кто они, эти защитники Земли?

Чем ему придется заниматься в этой организации? И хотя на этот вопрос он мог представить себе ответ, не даром же его называли Эльфом, но главное против кого?

И хотя в его голове и возникали ответы на эти вопросы, но диапазон их был настолько широк и разнообразен, что невозможно было прийти к какому-то ни было определенному выводу. То он представлял себе, что будет бороться против инопланетян, которые хотят захватить Землю. То против разнообразной нечисти, живущей в ночи и нападающей на людей. То

ему казалось, что никаких защитников Земли на самом деле-то и нет, и Крок хочет его заманить в какой-то тайный заговор, направленный против Премьер-министра или против самой королевы, а может быть против кого-то другого из правительства Англии или какой-либо другой страны. Ведь можно сказать, что Крок один раз его уже подставил, почему же он не мог сделать это и снова. И как раз то эти мысли и терзали его разум больше всего, но почему-то чисто интуитивно он верил Кроку или, может просто, хотел верить. И уговаривал себя, что тогда у него не было другого выхода кроме как так уйти.

Из многочасовой задумчивости Джона вывел стук в дверь, когда он снова, наверное, уже в тысячный раз за ночь, ворочаясь на кровати, пытался уснуть.

Он встал, пошел и открыл дверь, за которой стоял Крок. И хотя на улице только начинало светать, но Крок уже был, как говорится, при полном параде, одетый в идеально выглаженный черный костюм, в белую рубашку и сверкающие черные ботинки, на которых оставляло свои лучи восходящее солнце.

– Ух, ты, – присвистнул Джон от удивления. – Куда это мы собрались, господин Крок?

– Я вижу ты очень рад меня видеть, – пригладив рукой свои вылизанные волосы, ответил Крок. – Кстати, почему ты этой ночью не спал?

– А что по мне это видно?

– Да так. Мешки под глазами и слегка подмятое лицо. А так в принципе больше ничего.

– Да, старею, – горестно вздохнул Джон.

– Ты, надеюсь, не забыл, что у нас сегодня будут важные дела. Ты должен сейчас привести себя в форму и одеться, – Крок посмотрел на часы на левой руке. – У тебя есть на всё пятнадцать минут. Понял?

– Так точно, – ответил Джон и встал по стойке смирно, выпятив вперед голую грудь, а руки опустив по швам трико.

– Ну, ну, не злорадствуй, – слегка скривив губы, попросил Крок. – Я тебя здесь подожду.

– А что будет, если я передумал ехать с тобой и останусь здесь? – уже закрывая дверь, спросил Джон.

– Ничего, – спокойным голосом ответил Крок. – Мне просто придется тебя ликвидировать. А если у меня это не получится, то за тобой придут другие. Тебя будут преследовать до тех пор, пока не уничтожат

– И всего-то? – с издевкой спросил Джон.

– Да, – утвердительно кивнул головой Крок.

– Ну и в историю же я влип, – присвистнул Джон и, закрыв дверь, оставил Крока снаружи.

Умывшись, побрившись и сменив свои трико, в которых он провел целую ночь, на светлую рубашку без рукавов и брюки, Джон минут через десять уже стоял около Крока.

– Вполне сойдет, – придиричливо осмотрев его, констатировал Крок. – Теперь вполне похож на нормального человека.

– Что дальше, босс? – поинтересовался Джон.

– Дальше мы сядем в машину, доедем до самолета, а потом долетим до нужного нам места.

– А где находится нужное нам место?

– Не торопи события, друг мой, не торопи, – Крок дружески похлопал Джона по плечу.

Приблизительно через час они уже взлетали на частном самолете, который, по словам Крока, принадлежал их организации. В его салоне было светло и просторно, там находилось несколько кресел, которые можно было легко разложить, сделав из них кровать. Возле каждого из кресел стоял маленький складной столик, который при желании можно было убрать.

– Ну, вот мы и в самолете, – сказал Крок, удобно устраиваясь в одно из кресел. Просидев молча несколько минут, он повернулся к Джону, который сев на кресло позади него, молча наблюдал в окно, как взлетает самолет, как он, набирая высоту, оставляет землю все дальше и дальше, приближая все ближе облака, и предложил ему. – Давай поедим.

– Давай. Я со вчерашнего вечера ничего не ел, – согласился Джон, отвернувшись от иллюминатора.

– Одну минуточку, пожалуйста, – Крок достал из-под сиденья, на котором сидел, сумку-холодильник и передал ее назад Джону. – На. Возьми, я сегодня уже позавтракал.

Джон, взяв у Крока сумку, начал доставать из нее еду и класть ее на стоявший рядом с ним столик. Он выложил из сумки несколько гамбургеров, пару чизбургеров, несколько кусочков отбивных, два батона и две баклажки кока-колы. – Вот и все, что есть, – прокомментировал он. Потом, взяв со столика баклажку кока-колы и чизбургер, передал их Кроку. – На, подкрепись.

– Спасибо.

Взяв предложенную ему еду, Крок откинулся в кресло и начал вспоминать, жуя при этом чизбургер и запивая его кока-колой, как он три года назад, также как сейчас Джон, летел в точно таком же самолете и ничего не знал о своем будущем. Он вспоминал ту жизнь, что перечеркнул в одно мгновение, и то, как он прожил эти последние годы, что провел в организации. И если хоть кто-нибудь его сейчас спросил бы, хочет ли он повернуть все вспять и никогда не вступать в организацию, он ответил бы, что не знает. Это был сложный вопрос, который он часто задавал себе, и на который никогда не находил однозначного ответа. Отвечая на него днем, он часто говорил, что ничего не стал бы менять. Ведь организация дала ему все то чего он и хотел, а хотел он немногого, просто служить человечеству. Да и работа, которую он выполнял, ему сама по себе очень нравилась. Но ночью, когда он один лежал в своей холодной постели, пытаясь провалиться в спасительный сон, (особенно в последнее время. Наверное, старость, говорил он сам себе, подкралась к нему уже совсем близко) он представлял себе свою красивую, умную жену, встречавшую его на пороге их дома, когда он после трудового дня возвращался домой, маленького мальчика, его сына, играющего с соседскими мальчишками во дворе. И какой силы было его желание, чтобы это было не только в его мечтах, но и наяву, такой же силы было и его отчаянье, когда он понимал, что этого у него никогда уже не будет. Организация просто-напросто никогда не позволит ему это сделать.

Также Крок, конечно, догадывался, нет, даже не догадывался, а наверняка знал, что Джон ему не доверяет, а возможно даже и опасается его. Он наверняка знал, почему тот в эту ночь не сомкнул глаз, ведь он однажды уже прошел через все то, через что сейчас проходил Джон.

Джон же съев всю расставленную перед ним еду и запив ее кока-колой, отставил столик, на котором стояла еда. И раздвинув кресло, превратив его в кровать, улегся на нем, и заснул.

– Поспи немного, – сказал Крок, обернувшись посмотреть, что делает Джон. – Это тебе сейчас нужно.

– Джон, – Крок позвал Джона спящего на кресле. И как бы крепко Джон не спал, но годы, проведенные в «Логосе», когда от его мгновенной реакции зависела не только его жизнь, но и иногда успех всей операции, а значит и жизни нескольких сотен человек, не могли пройти для него бесследно. И после того, как Крок позвал его, он тут же вскочил на ноги и стал озираться по сторонам, при этом его рука инстинктивно легла на правое бедро, где он обычно носил пистолет (которого на сей раз там не оказалось), но не найдя ничего опасного в окружающей его обстановке он обернулся к Кроку.

– Крот, это опять твои шуточки.

Крок молча подошел к Джону, взял за грудки его рубашки и притянул его к себе, так что их лица стали вплотную друг к другу.

– Ты! Я же говорил тебе Крота нет! он умер! – он отпустил Джона и отошел от него на шаг назад. – Не называй меня больше так никогда. Ты понял?

– Я же не знал, что все так серьезно. Прости, – Джон протянул руку Кроку. – Мир.

– Ладно, проехали, – ответил Крок, пожимая руку Джона. Потом, осмотрев, его он констатировал. – Твоя одежда слегка помялась, – он укоризненно покачал пальцем. – Не надо было в ней спать. Но это ладно. Ты сам себя как чувствуешь?

– Да нормально, вроде бы выспался. Мне же надо, если ты, конечно, еще помнишь, мало времени для сна.

– Это хорошо. А одежда, – Крок махнул рукой. – Да, черт с ней, мы же не на свидание собрались, или я ошибаюсь? – Крок лукаво взглянул на Джона.

– Да откуда же я знаю, – недоуменно пожал плечами Джон. – Это же ты меня куда-то привез.

– Нет. Я могу сказать точно, не на свидание. Хотя девушку ты здесь встретишь. Но о сближении с ней, боюсь, не может быть даже и речи. Так что слегка помятая одежда тебе не повредит. А сейчас давай присядем, нам нужно кое о чем поговорить.

Крок сел в свое прежнее кресло и жестом показал, что Джон должен сесть на кресло напротив него. Джон сначала сложил свое разложенное кресло, вернув ему прежнее состояние. (Он любил быть вежливым, и всегда за собой все старался убрать) Потом подошел к Кроку и сел в кресло, которое тот ему предлагал.

– Итак, – начал Крок. – После нашего разговора, тебе предстоит выйти из самолета. Да ты правильно все понял, – читая недоумение на лице Джона, подтвердил свои слова Крок. – Ты один выйдешь из самолета, а я останусь, и буду ждать тебя здесь, в этом самолете. Тебе предстоит пройти ряд испытаний, от которых очень многое зависит. И в первую очередь от них зависит твоя жизнь.

– Но ты же об этом мне ничего не говорил, – возмутился Джон.

– Будь спокоен и не перебивай меня, – попросил его Крок. – Ну, так вот. От того пройдешь ли ты испытания или нет, зависит не только твоя, но и моя жизнь. И если ты провалишься, то умрешь не только ты, но и я, как твой поручитель. Так вот, – Крок сложил перед собой кисти рук в замок, и большими пальцами начал совершать медленные вращательные движения. – В этих испытаниях ты будешь должен продемонстрировать свое умение обращаться с оружием, но это будет не главным. Главным же будет твое мышление, твой разум, твои инстинкты и чутье. И помни самое главное, там, где ты будешь, твои глаза могут тебя обманывать, слух предавать, обоняние предательски издеваться и только твое сердце не должно подвести тебя. От этого будет зависеть не только твоя, но и моя жизнь. А теперь, друг мой, тебе пора идти, тебя уже ждут. И пусть Бог будет на твоей стороне.

С этими словами он встал с кресла, прошел к двери самолета и открыл ее. Джон подошел к Кроку и похлопал его по спине.

– Не бойся, я выполню то, что от меня требуется, и оправдаю твои надежды.

И перекрестившись, вышел из самолета.

Крок несколько секунд молча простоял около открытой двери, смотря вслед удаляющемуся Джону. Потом прошел и сел в кресло, достал из-под него закрытую бутылку виски, открыл ее и, закрыв глаза, начал пить ее мелкими глоточками.

Выйдя из самолета, Джон огляделся вокруг.

Оказалось, что самолет приземлился на дороге, с одной стороны которой располагалась пустыня, с другой, казалось, из песка выросстал старинный замок.

– Нет, я чего-то не понял, – Джон подошел к двери самолета и толкнул ее, но дверь была заперта. Он постучал в нее. (Ему очень хотелось задать Кроку парочку вопросов. Во-первых, куда это он его все-таки привез, а во-вторых, не издевается ли он над ним, и если все-таки издевается, то зачем.) Дверь никто не открыл. Через несколько минут он снова постучал по ней, в этот раз намного громче первого, но эффект остался прежним.

– Ну и черт с тобой, – он пнул дверь и отошел от самолета.

– Так интересно, что же мне теперь делать дальше? – Джон тщательней, чем в первый раз огляделся вокруг. Но ничего кроме песка, самолета и замка он так и не увидел. – Итак, здесь есть самолет, – начал размышлять он. – Но он закрыт, а, следовательно, ничего интересного для меня он на данный момент не представляет. Также здесь есть еще пустыня, но в ней кроме сухости во рту и тошнотворного состояния вряд ли что можно найти. Если идти по дороге, то, боюсь, эффекта будет не больше. Тогда остается только одно. Идти в замок.

Пристально осмотрев замок, Джон ужаснулся, казалось, его по воле какого-то чокнутого волшебника вынули из старого, черно-белого фильма ужаса и поставили здесь, в пустыне, заменив полную луну, вечно висящую над ним, на палящее солнце. Замок был сделан из серых камней неправильной формы, причем складывалось впечатление, что здесь не было ни одной пары похожих камней. Стены покрывали трещины, которые, казалось, отплясывали какой-то свой, только им ведомый, дьявольский танец. Шпили были черного цвета, и кое-где на них была видна паутина. Все окна, которые видел Джон, были занавешены какой-то черной плотной тканью.

– Д-а-а-а-а, рассадник всякой нечисти. Не удивлюсь, если здесь найдется парочку вампиров или хотя бы, на худой уж конец, несколько маленьких приведений. Хотя я в них то и не верю, но здесь...

Простояв молча несколько минут, он уверенно пошел по направлению к замку.

– Подумаешь, призраки, ведьмы, вампиры, я такое уже видел в этой жизни, что какой-то нечисти меня не испугать.

Но каждый сделанный им шаг, давался ему все тяжелее и тяжелее. Его уверенность постоянно испарялась куда-то. Ноги все больше становились какими-то ватными и норовили постоянно подкоситься. Он даже не заметил того, как его, человека до этого дня, не боявшегося никого и ничего и спокойно смеющегося смерти прямо в глаза, начал бить озноб. По спине побежали мурашки. Вся его одежда промокла от пота, но этот пот явно не был вызван палящим над головой солнцем.

Подойдя к двери, которая была сделана из дерева и выкрашена в тот же серый цвет, что и весь замок, Джон остановился. Оглядев ее и не найдя ничего с чьей помощью можно было оповестить хозяев замка о своем приходе, он медленно поднял трясущуюся руку и постучал по ней костяшками пальцев.

Дверь осталась закрытой.

Через некоторое время, он еще раз постучал, но на этот раз кулаком.

Дверь медленно со скрипом слегка приоткрылась.

– Здорово, – явно не ожидая такого эффекта, пораженно пробормотал он.

Еще сильнее приоткрыв дверь, он просунул голову и заглянул во внутрь дома, но ничего там не увидел. Сначала Джон даже не понял, то ли он внезапно ослеп, то ли в доме действительно было настолько темно, не реально темно, казалось, что эта тьма была плотной.

– Ей, здесь кто-нибудь есть? – позвал он.

В ответ ему была только тишина. Хотя... не совсем. С разных сторон до него стал доноситься еле слышный шепот нескольких голосов.

– Он пришел.

– Но он не может решиться войти.

– Похоже, он слаб

Но сказать точно слышит ли он эти голоса наяву, или это его воображение играет с ним в дурные игры, он не мог.

Высунув голову обратно наружу, он перекрестился. И открыв настежь дверь, он шагнул вовнутрь.

И хотя казалось, что холл дома должен быть освещен за счет лучей солнца, проникающих из открытой настежь двери, но это было не так. Тьма не пропускала сквозь себя свет.

Джон обернулся назад, проверяя открыта ли дверь, которая давала ему путь к отступлению. Но увидел там лишь темноту.

Вытянув вперед руку, он нащупал, что дверь закрыта. Пошарив по ней рукой, Джон не нашел ничего, за что можно было взяться, чтобы ее открыть.

– Здорово, – присвистнул он. – И что мне делать дальше? У меня нет даже спичек, чтобы хоть немного осмотреться вокруг. Да и при том я не вполне уверен, смогли бы они здесь гореть.

– Ты прав, – раздался из темноты женский голос. От удивления Джон вздрогнул и повернулся, как ему показалось, в его сторону. – Спички здесь не горят. Здесь ничего не горит. Свет здесь появляется только по нашему желанию.

– Но кто вы? – Джон не знал, что ему делать. Он напрягся всем телом, и был готов на резкие действия в любой момент. Ведь он не знал враг или друг находится сейчас рядом. И если враг, то он должен же будет, хоть что-нибудь предпринять.

– Не бойся нас. Мы твои друзья, – ответил голос. По тому, что он становился громче, (никаких звуков шагов не было слышно, создавалось впечатление, что голос существует сам по себе) можно было судить, что его носитель приближался к Джону все ближе.

– Что-то не похоже. От друзей не прячутся в темноту, – поняв, что собеседник приближается к нему, Джон начал пятиться назад.

– Ну, что ты, – засмеялся голос. – Мы не прячемся.

– А, что же вы тогда делаете? – Джон уперся лопатками в дверь. (Ну, все, попался как щука в сеть, – пронеслись мысли у него в голове. – Но живым я им не дамся.)

– Мы даем тебе последний шанс уйти отсюда.

– Но как? Вы же заперли дверь?

– Мы ее не запирали, она захлопнулась сама. А сейчас отойди от двери.

Джон послушался голоса и, пройдя на шаг вперед, повернулся к двери.

– Теперь смотри, – продолжил голос.

Дверь мгновенно открылась. Джон даже и не заметил, как это произошло, только мгновение назад дверь, казалось, была плотно закрыта, а теперь она была открыта настежь. И на порог падали лучи солнца, слегка освещая его.

Джон обернулся назад, пытаясь с помощью появившегося куска света, разглядеть своего собеседника. Но наткнулся только лишь на темноту.

– Ты свободен. Иди, – предложил голос. На мгновение Джону показалось, что девушка (так ему, по крайней мере, казалось, судя по голосу) с которой он разговаривал, стоит перед ним. Он протянул руку, пытаясь схватить ее, но единственное до чего ему удалось дотронуться был воздух.

– Но, Крок сказал, что если я не пройду испытания, то мы оба погибнем? – удивленно и одновременно выжидающе спросил Джон.

– Нет. Можешь поверить мне, что мы никого не убиваем, и ты останешься жить, – голос на мгновение замолчал. Потом спросил. – Ну что ты уходишь?

– Д-а-а-а, – задумчиво произнес Джон. Подошел к открытой двери и положил на нее руку. Каждой клеточкой ладони он почувствовал гладкое дерево. Простояв так несколько минут, он

продолжил. – Я не верю вам, но я уйду. – И со всей силы захлопнул дверь, которая, закрываясь, произвела громкий хлопок.

– Но ты же сказал, что решил уйти? – послышался удивленный голос.

– А я пошутил, – Джон отвернулся от двери.

– Ответь мне, почему ты решил остаться? – спросил голос. – Ты не поверил мне, что останешься в живых?

– Знаешь, но я даже не думал об этом. Мне просто стало интересно, что будет дальше, – ответил Джон. – И еще мне вдруг захотелось поближе познакомиться с обладательницей такого чудного голоса.

– Такой ответ я слышу впервые, – послышался удивленный голос. – Спасибо за честность. Обычно все говорят о какой-то важной миссии. Об испытании своих сил. Да и просто не верят моим словам о том, что им оставят их жизнь. Короче, – резюмировал голос. – Они все считают себя избранными. Но ты другой, ты отличаешься от них всех. Так что я поздравляю тебя, ты прошел первое испытание.

С этими словами в доме зажегся свет. Хотя сказать точно от чего он исходил, было нельзя, казалось, он просто был растворен в самом воздухе.

Перед Джоном стояла девушка необычайной красоты, все черты ее лица были настолько точенными и гармоничными друг с другом, что казалось, они не могут принадлежать человеку, они должны принадлежать только богине. Ее белые волосы (не светлые, как у блондинок, а именно белые) только слегка закрывали ее изящные ушки. Одетая она была в черные просторные брюки и белую рубашку.

– Д-а-а-а, – заворожено выдохнул Джон. – Не зря я остался.

– Что понравилась? – с лукавой улыбкой спросила девушка.

– Разве такая роза может кому-нибудь не понравиться, – Джон стоял парализованный красотой девушки. Он забыл обо всем: о том, что его окружало, где он находился, и что он здесь делает. Для него в этот момент весь мир был стянут до размеров стоявшей перед ним девушки.

– Говорили же мне все, что не стоит мне встречать гостей, – девушка тяжело вздохнула и тихо, стараясь, чтобы Джон ее не слышал, (хотя она не сомневалась, что он сейчас ничего не способен слышать) продолжила. – Люди все, особенно мужская их часть, одинаковы. Вот опять потеряли еще одного возможного сотрудника организации. Сейчас у него отвисла челюсть. Потом он будет произносить мне комплименты. А после и вовсе завоюет на луну. И в голове у него останется только одна мысль, как затащить меня в постель. Джон, – уже громко позвала она. Но Джон никак не отреагировал. – Джон, – еще раз позвала она.

– Ты, что-то сказала моя прелесть, – встряхнув головой, освобождаясь от захватившего его в плен наваждения, спросил Джон.

– Да я позвала тебя, но ты мне не ответил.

– Я просто был поражен твоей красотой.

– Ты не забыл еще, где находишься?

– А, где... – пробурчал Джон, снова проваливаясь в наваждение. Ему пришлось тряхнуть головой, чтобы снова прийти в себя. – Нет. Не забыл. Я должен пройти испытания, – отвернувшись от девушки, Джон начал осматриваться вокруг.

Та часть дома, в которой он находился, представляла собой длинный пустой коридор с черными стенами, с обеих сторон которого находились разноцветные двери, и который заканчивался лестницей ведущей на верхний этаж и в подвал.

– Странный замок, – пробормотал Джон.

– А ты видел до этого другие замки? – поинтересовалась девушка, бесшумно идя (казалось даже, что она не шла, а летела, не соприкасаясь ногами с полом) по коридору. И взмахом головы призывая, чтобы Джон к ней присоединился.

– Честно? – спросил Джон, маленькими шажками идя за девушкой. Он был в незнакомом ему месте, а в таких местах он всегда предпочитал действовать осторожно, возможно, поэтому он и дожид до этого дня.

– Конечно, честно. Ведь только честность может спасти тебя здесь от смерти, – девушка повернула голову к Джону. – Ну, смелей иди, не съем я тебя.

Но, Джон, пораженный ее словами, встал как вкопанный.

– Но ты же сказала, что вы не убиваете?

– А... Ну да... – на лице у девушки появилась легкая улыбка. – Но это же твое испытание, а не наше. Нам можно и обманывать.

– Так вот, – Джон слегка повел бровью и пошел вслед за девушкой, и на ходу уже, тихо, так чтобы девушка его не слышала, добавил – Хорошо, если вы устанавливаете свои правила, то начнем играть по ним. Но как бы вам не пришлось заканчивать игру по моим.

Подойдя к самой крайней двери, ближайшей к лестнице, девушка остановилась. И подождав пока Джон подойдет к ней, она дала ему указания

– Это твое испытание. Ты должен войти в эту дверь. И если ты выйдешь из этой комнаты живым, мы проследуем дальше.

– Но, что там? – спросил Джон, удивленно рассматривая дверь. Это была белая дверь, на которой были нарисованы три карты двойка трэф, четверка трэф и туз трэф. Такое странное сочетание карт, встретилось Джону впервые. Ему вспомнилась другая классическая комбинация карт: тройка, семерка, туз. Но была ли хоть какая-то связь между ними, он не знал.

– Там твое испытание, – повторила девушка. – Ты идешь?

– Ты так спрашиваешь, как будто у меня есть хоть какой-то выбор, – усмехнулся Джон и, открыв дверь, шагнул в комнату.

Джон оказался в маленькой комнате, посредине которой стоял игровой стол, за которым сидел высокий молодой человек, в черном пиджаке и белой рубашке. В руках он тасовал колоду карт.

Кивком головы молодой человек поприветствовал Джона, когда он вошел в комнату, и, отложив карты, показал рукой, чтобы Джон сел на стул, стоявший около стола, напротив его.

Джон не говоря ни слова, прошел и сел на предложенный ему стул.

– Итак, я хозяин этой комнаты, – представился молодой человек. – Вам сказали, зачем вы пришли сюда?

– Да. Чтобы пройти испытание, – ответил Джон, рассматривая сидевшего напротив него хозяина комнаты, который напоминал ему чем-то оставшуюся за дверью девушку, но чем именно, Джон как не приглядывался к нему, так и не мог понять.

– Ну, это, в общем. А зачем конкретно вы находитесь в этой комнате? – уточнил молодой человек.

– Нет.

– Хорошо. Тогда это расскажу вам я. Вот карты, – он взял со стола колоду карт. – Вот вы, – хозяин посмотрел Джону прямо в глаза. – А вот я, – он кивнул головой. – А вот пистолет, – он взял пистолет, на который Джон до этого не обратил никакого внимания, а сейчас, когда он был в руке у хозяина, заморожено, словно кролик на удава, смотрел на него. – Что-то вы напряглись? – продолжил хозяин, отложив пистолет в сторону. – Успокойтесь. Вас никто не собирается убивать, по крайней мере, сейчас. Мы просто поиграем с вами в карты.

Предложение хозяина удивило Джона, он, конечно, ожидал многое увидеть в этой комнате. Но просто играть в карты... это было для него как-то странно и неожиданно. И хотя он

помнил о тех трех картах, что были нарисованы на двери, но он не воспринимал их всерьез, для него они были символом чего-то другого, но никак не самой игры.

– Во что же мы будем с вами играть? – поинтересовался Джон, смотря на лежащий, на столе пистолет.

– Игра очень простая, она называется семь. Она наподобие той игры, которую вы называете очко. Правила у них одни и те же, просто нужно собрать не двадцать один, а семь.

– А почему именно семь? – спросил Джон.

– Просто так интереснее, Джон, если в очко играли многие, и уже могут более-менее предположить расклад карт, то семь это неожиданно и непредсказуемо для них.

Откуда вы знаете, мое имя? – поразился Джон.

– Откуда, откуда, – настала очередь удивляться хозяину. – Неужели вы думаете, что мы не знаем тех, кто проходят наше испытание? Мы знаем о вас все. Мы знаем, когда вы родились, знаем, как росли, как попали в армию, как ваша первая любовь Таша не дождалась вас, и вы решили остаться в армии...

– Но откуда вам все это известно?

– Вам это знать не обязательно, – хозяин комнаты взял карты и начал тасовать их.

– Легко это вам говорить. Это не вы сейчас находитесь неизвестно где и разговариваете неизвестно с кем. И при том этот неизвестно кто сам отлично вас знает, – Джон откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу. – А я.

– Итак, вернемся к нашей игре, – не обращая никакого внимания на слова Джона, продолжил хозяин комнаты.

Закончив тасовать карты, он протянул одну из них Джону. На рубашке карт была изображена змея овивающая яблоню.

Джон взял предложенную ему карту и положил ее перед собой на стол.

– Погодите, я что-то не понял. Если в этой игре нужно набрать семь очков, то, как же тогда восьмерки, девятки, десятки? Они, что означают автоматический перебор? – спросил он.

– Все на самом деле намного проще, мой друг. Их нет. Это карты от двух до шести плюс тузы, которые ценятся за единицу.

– Хорошо, – Джон перевернул лежащую перед ним карту. Это была двойка пик. – Теперь, когда мне понятен смысл этой игры, мне интересны ставки.

– Ставки на самом деле очень просты, – начал объяснять хозяин. – Я раздаю карты. Мы играем ровно семь раз. Кто проиграет больше трех раз, тот ставит под угрозу свою жизнь. Он берет в руки этот пистолет, – хозяин взглядом указал на лежащий, на столе пистолет. – Подносит его к своему виску, крутит барабан, нажимает на курок. Его мозги вылетают из его черепной коробки и пачкают этот красивый стол, – хозяин провел по столу указательным пальцем правой руки. – Ну, что начнем или вы откажетесь?

– Интересные у вас игры, да и ставочки тоже неплохие, – ответил Джон, рассматривая ногти на левой руке. – Но как гласит пословица: кто не рискует, тот не пьет шампанское. Только у меня один вопрос, перед тем как мы начнем игру. – Положив руки на стол, он заглянул в глаза хозяина, но они ничего не выражали, они были словно стеклянные, в них было только его собственное отражение, – я обязательно буду должен проиграть или вы будете играть честно?

– Кто знает... Кто знает, – многозначительно ответил хозяин. – Да, чуть не забыл, в барабане этого пистолета есть одна пустая ячейка. Так что, даже у того, кто проиграет, будет шанс остаться в живых. Хоть и не большой, но шанс. Итак, начнем.

Первые две раздачи закончились, как и ожидал Джон победой хозяина, после они обменялись победами, пятую и шестую партию хозяин проиграл. Осталась последняя финальная партия.

После того как хозяин заново перемешал колоду, он достал одну карту из-под низа колоды и положил ее, рубашкой вниз, поверх колоды. После этого он дал одну карту Джону и одну карту оставил себе.

Джон взял свою карту. Это была двойка треф.

Он попросил еще одну карту. На сей раз, это был туз треф.

«Так у меня три очка, остается только выбрать брать мне еще или остановиться. Три вроде бы немного, но что если перебор? что тогда? пистолет в руке и мои мозги на столе? – проносились с огромной скоростью мысли в его голове – Но... Стоп. Что было изображено на двери? Двойка, четверка, туз треф. Следовательно, следующая карта должна быть четверка треф. Так значит, берем карту, и выигрываем»

– Мне еще, – попросил Джон. Хозяин протянул ему карту, Джон уже потянул за ней руку, но в последний момент отдернул ее. – Нет, я передумал, – он вспомнил предостережение Крока, чтоб он не верил здесь ничему кроме своего сердца, а оно заньюло, словно предупреждая его об опасности, в тот момент, когда он потянулся за картой.

– Ну, передумал, так передумал, – с улыбкой произнес хозяин, скрывая карту, которую он протягивал Джону. Это оказалась пятерка пик. – Мои поздравления. Ты прошел это испытание. Можешь идти дальше.

– А ты разве не будешь доигрывать эту партию до конца? – удивился Джон.

– А зачем? Все равно у меня там, что-нибудь больше двойки, – указал он на уже взятую до этого карту. – И, следовательно, я все равно проиграю. А ты выиграешь.

– Но тогда ты должен будешь произвести выстрел, – заметил Джон.

– А тебе, что полегчает от этого? – спросил хозяин.

– Да. Ведь таковы были ставки. Так что или вскрывай свою карту или сразу стреляйся, – продолжал настаивать Джон.

– А ты не боишься, что там может быть двойка? – хозяин с любопытством посмотрел на Джона.

– Если там двойка, то такова судьба. И я готов ее принять.

– Ну, что же, – хозяин комнаты, положив оставшуюся колоду карт на стол, взял в правую руку пистолет и произвел выстрел в висок. Раздался щелчок, но пуля не вылетела из дула. В этом отделении барабана ее просто-напросто не было, – Теперь ты доволен?

– Да, – ответил Джон. Он поднялся со стула, и вышел из комнаты.

Хозяин, посидев несколько минут в тишине, смотря на закрытую дверь, взял с колоды, верхнюю карту (которая должна была быть его в последнем раунде) и перевернул ее рубашкой вниз. Эта была двойка пик.

Следующая комната, в которую отвела Джона девушка, находилась рядом с первой, и на ее синей двери было изображено простейшее арифметическое действие « $2+2=4$ ». Это была маленькая комнатка без единого окошка, но в отличие от первой в ней не было играль-ного стола. В ней стоял только один стул, стоящий напротив стены, на которой висела черная доска. (На таких досках обычно в школе пишут мелом). В комнате находился пожилой мужчина с проседью седины на висках.

– Проходите молодой человек, – стоя у доски, поприветствовал он Джона. – Не часто люди заходят ко мне. Поздравляю вы один из немногих прошедших в испытаниях так далеко.

Внимательно разглядев стоявшего в комнате мужчину, Джон наконец-то понял, в чем было сходство между сопровождавшей его девушкой и хозяином первой комнаты. Оно заключалось в слишком правильных чертах лица, которые вряд ли можно было встретить у какого-либо человека живущего на Земле. В этом же доме он уже видел троих.

– Ну что вы, так и будете стоять? – обратился мужчина к Джону, который после увиденного и самое главное понятого, замер в дверях. – Проходите. Садитесь на стул, и мы начнем ваши испытания, – подождав несколько минут, пока Джон, перейдя в норму и пройдя в комнату, сел на стул. Пожилой мужчина продолжил. – Итак, чтобы вам было легче ко мне обращаться, называйте меня...

– Тоже хозяином? – с усмешкой спросил Джон. – Да?

– Не хорошо перебивать, Джон, особенно старших, – погрозил пальцем мужчина. Джон уже не удивился тому, что и этот его испытатель знал, как его зовут. – Ну, так вот, называйте меня просто Лэн.

– Хорошо, Лэн. В чем заключается мое испытание здесь. Может тоже, в картишки перекинемся? – с усмешкой спросил Джон. – Или посчитаем что-нибудь?

– Нет, ни то, ни другое мы делать не будем. Кстати, вы поняли, в чем заключалось ваше предыдущее испытание? – спросил Лэн.

– Не совсем, – задумался Джон. – Наверное, на удачу.

– Ну, наудачу, так на удачу, – тихо пробормотал Лэн, потом уже нормальным голосом продолжил. – Мое испытание заключается в проверке вашего интеллекта. Мы начнем с простых задач и закончим более сложной.

Лэн взял с доски мел и написал на доске:

Соло

Рототон

Ринлеб

Ворсот

– Я хочу, чтобы вы сказали мне, что означает каждое из этих слов, и после этого определили, какое из них лишнее, – обратился Лэн к Джону. – Можете думать.

«Странные какие-то слова. Ринлеб, Рототон, что они могут означать? – глядя на нарисованные на доске слова, начал размышлять Джон. – Можно начать с соло, но это слово более-менее понятно. Но что делать с другими? Например, с этим дурацким Рототоном? Я не помню, чтобы когда-нибудь слышал это слово. Но если мне задают этот вопрос, и при этом говорят, что это вопрос на интеллект, а не на знание, значит, я должен с этим словом что-то сделать так, чтобы получилось знакомое мне слово. Так, прочтем это слово задом наперед. Нототор. Чушь какая-то получается. Давай тогда поменяем буквы этого слова местами. Тонорто, что-то тоже не то. Тото... Стоп это же Торонто. Так теперь Ринлеб поменяем и его буквы местами, если прочесть его наоборот получается Белнир. Оно похоже на какое-то слово, но вот на какое. Белнир... Белнир... Белнир... Стоп это же Берлин. Теперь последнее Ворсот. Прочтем его наоборот Тосров. Вроде не на что не похоже. Так будем просто менять буквы Сортов. Не то. Ровтос. Тоже не то. Соторв... Востор... Ростов. Точно. Ростов это же город в России».

– Лишнее слово это соло, – уверенно ответил Джон. – Остальные слова это название городов мира.

– Вы уверены? – спросил Лэн, с неодобрением, исподлобья, глядя на Джона. – Это ваш окончательный ответ?

– Да, – утвердительно качнул головой Джон, и тут же мотнул головой. – Нет.

– Так да или нет? Я не понял, – переспросил Лэн.

– Нет. Я только что увидел, что соло это Осло, – ответил Джон. – Можно мне еще подумать? – попросил Джон.

– Да.

«Осло, Ростов, Берлин, Торонто. Что же у них общего? – снова начал размышлять Джон. – Торонто, и Ростов не являются столицами. Точно. Лишний город это Торонто. Остальные города, находятся в Европе»

– Лишний Торонто. На сей раз я прав? – спросил Джон и выжидающе посмотрел на Лэна.

– На сей раз да, – одобрительно ответил Лэн.

Следующей задачей, которую Лэн задал Джону, заключалась в определении закономерности в числовом ряду:

0, 2, 8, 18 и дополнение его последующим числом.

Джон сначала возвел эти числа в квадрат, но это ничего не дало. Потом поделил их на два, получились числа 0, 1, 4, 9. Это были квадраты соответственно 0, 1, 2, 3. Следовательно, он определил закономерность. Ему осталось только 4 возвести в квадрат и умножить на два. Получилось число 32.

Следующее задание было уже поинтересней, чем два предыдущих. Перед тем как написать его Лэн с усмешкой сказал Джону, что это будет последним и самым сложным заданием.

Он написал:

Шофер = 6

Пешеход = 8

Авария = ?.

«Так, для начала надо посчитать какая цифра, какая по счету в алфавите так, – Джон стал повторять алфавит, загибая при этом пальцы для счета. Но, поняв, что сумма всех букв в слове шофер будет гораздо больше шести, он остановился. – Надо искать другой подход. Какая логическая связь существует между этими тремя словами? Шофер едет по дороге сбивает пешехода, получается авария. Эта цепочка понятна, но причем здесь 6, 8 или какие-либо другие цифры. Стоп, а если сложить Шофера с Пешеходом получится Авария, т.е. $6+8=14$. Но мне, что-то не нравится эта логика. Почему Шофер равен 6, а Пешеход 8? А если все получится также как и с Осло? Нет, надо еще подумать, – Джон еще раз посмотрел на доску. – Стоп. Я знаю ответ на этот вопрос», – внезапно понял он.

– Ответ 7.

– Правильно – подтвердил Лэн.

– Нужно к числу букв составляющих слово добавить единицу.

– Вы правы, Джон, – еще раз подтвердил Лэн. – Поздравляю, вы прошли испытание, – он подошел к Джону и пожал ему руку. – Вы один из немногих кто ответил правильно на все три вопроса. Обычно все отвечают на этот последний вопрос 14. Теперь вы можете идти. И еще раз примите мои поздравления.

Джон встал со стула, облегчено вздохнул и вышел из комнаты.

В коридоре никого не было. Джон сначала даже не поверил в это и, протерев кулаком глаза, еще раз обернулся по сторонам. Коридор по-прежнему остался пустым.

– Блеск, – прокомментировал он увиденное. – Мало того, что сначала задают какие-то дурацкие задачки, так потом еще оставляют одного. И что мне теперь делать дальше?

Он повернулся обратно к двери, из которой только что вышел. И толкнул ее, пытаясь открыть. Но дверь не поддавалась. Она была заперта.

– Блеск, – еще раз ругнулся он. – Уже успели и эту дверь закрыть.

Простояв несколько секунд, рассматривая закрытую дверь, он отвернулся от нее и пошел по коридору в сторону выхода из замка. Идти в подвал или наверх, особенно без приглашения, ему как-то не хотелось. Но, не пройдя мимо и нескольких закрытых дверей, он увидел одну слегка приоткрытую.

Он остановился около нее. Это была ярко-красная дверь без малейшего рисунка на ней. Он подошел к ней поближе и заглянул внутрь комнаты. За дверью была небольшая комнатка, посередине которой стоял стол, но не картонный, как в первой комнате, а обычный деревянный,

письменный стол. На котором, как заметил Джон, лежали различные виды автоматов и пистолетов. За столом стояла сопровождавшая его беловолосая девушка.

– Проходи, Джон, – позвала она его. – Тебе сейчас сюда.

Джон вошел в комнату и подошел к столу.

– Да... Хорошие у вас тут, как я смотрю, игрушки, – он взял со стола новейшую модель пистолета-автомата Глок, который только недавно разработали английские ученые, и им пользовались только английские спецслужбы. Но так как Джон работал в «Логосе», то он уже смог полюбить это чудо техники. – И самое главное редкие.

– А вы как хотели? – ответила девушка. – Работаем. Да кстати, теперь вы можете называть меня Элжен.

– Это чем я удостоился такой чести? – с усмешкой спросил Джон.

– Тем, что все подготовительные испытания вы прошли успешно, и вам осталось последнее. Решающее, – она положила руки на стол.

– Ух, ты, последнее. И, наверное, самое трудное. Да Элжен?

– Да, оно действительно будет самым сложным, – подтвердила Элжен. – Но для вас оно не должно будет составить никакого труда, вы ведь профессионал?

– Наверное, – слегка замявшись, подтвердил Джон. – Не люблю саморекламы.

– Ну что вы, это не реклама, а констатация фактов – успокаивающе произнесла Элжен. – Теперь перейдем к главному.

– К вашей непревзойденной красоте, да? – пошутил Джон.

– Если хотите, мы поговорим с вами и об этом. Но потом. После испытаний. А сейчас вы должны будете выбрать себе одно из этих оружий.

Еще раз осмотрев лежащие на столе автоматы, пистолеты, он все же остановил свой выбор на Глоке и взял его в руки.

– Я выбираю Глок.

– Хороший выбор, – поддержала его Элжен. – Теперь дальше. Вы должны будете найти в этом замке заложника, сидящего связанным на стуле и освободить его.

– А где именно я буду должен искать его? – хотел уточнить свое задание Джон.

– В этом замке.

– Спасибо за уточнение, – с издевкой поблагодарил Джон.

– Всегда, пожалуйста, – ответила девушка ему тем же. – Да, в ходе испытания вам встретятся различные существа. Некоторые из них будут настроены враждебно к вам, и будут пытаться убить вас. Некоторые дружелюбны. И от того насколько быстро вы спасете заложника, сколько дружелюбных существ вы убьете, и какой вред вам причинят враги, будет зависеть, пройдете вы испытания или нет. Вы все поняли Джон?

– Да в принципе-то все, но только как я узнаю, где враги, а где друзья?

– А это будет зависеть только от вас. Еще есть вопросы?

– Нет.

– Тогда удачи вам.

Она протянула руку, и Джон пожал ее. (Он хотел сначала поцеловать ее, как рыцарь целует руку прекрасной дамы, но потом передумал, и пожал ее, как один боец жмет руку другому.). Развернувшись, он вышел из комнаты, оставив Элжен одну.

Свет стал менее ярким, чем был до этого, а если говорить честно, то стало практически темно. Джон обернулся по сторонам, но как он уже привык, в коридоре никого не было.

Но вдруг, словно по чьему-то сумасшедшему сценарию, одновременно распахнулись две двери с противоположной от Джона стороны, и из них вышли два существа. Одно из них было

человек, другое странное существо, которого Джон никогда до этого не видел, и даже не догадывался о существовании подобных. У существа был серый цвет лица, на котором отсутствовала любая растительность. Казалось, что на конусообразное тело, причем острие конуса было направленно вверх, с силой натянули какую-то серую резину. У него были подвижные веки, причем не верхние как у людей, а нижние. Одето существо было в темно-синий мешковатый балахон, который скрывал всё его оставшееся тело. И как оно выглядело, Джон даже боялся себе представить. Вышедший из другой двери человек был небольшого роста, одетый в черный костюм и коричневые туфли. На лице у него были маленькие усики, а ля Гитлер. Губы его скривились в ухмылке. В руках он держал автомат Калашникова.

Что нужно было делать, когда на него одновременно стали надвигаться два этих существа, Джон не думал. Он практически мгновенно поднял правую руку, в которой держал Глок и выпустил несколько пуль из него. Пули, пролетев небольшое расстояние, вонзились в грудь, словно острый нож в теплую булку. Коридор окропился красной кровью вылетевшей из тела. Тела человека, который, немного пошатнувшись, упал без движения на пол. Джон перевел руку в направлении оставшегося существа, но, бегло осмотрев его, опустил руку вниз.

Существо подошло к Джону.

– Ты оказался прав, – наполовину просвистев, наполовину прошипев, произнесло оно. – Твоя интуиция не подвела тебя и на этот раз.

– Какая к черту интуиция, – сплюнул Джон. – На меня надвигается неизвестно кто с идиотской ухмылкой, при этом держит на изготовке автомат. Что вы мне прикажете делать?

– А почему ты не стал стрелять в меня? – спросило существо.

– В вас? – Джон еще раз с любопытством рассмотрел существо. После чего ответил. – А зачем? Я вижу, что вы подходите ко мне без оружия. Да пускай вы выглядите, конечно, не совсем обычно, ну и что из этого? Не будем же мы убивать всех, кто нам не понравился. Так кто-нибудь, в конце концов, убьет и нас самих, ведь мы тоже можем кому-нибудь не понравиться, мы же не являем собой эталон красоты. Да и к тому же, ваше лицо не выражало ни какой агрессии.

– Спасибо за разъяснения, – поблагодарило Джона существо. – Теперь мне нужно передать тебе известную мне информацию. Тебе нужно пройти в комнату, из которой вышел убитый вами человек, там ты найдешь нужную тебе информацию.

Существо, отвернувшись от Джона, пошло по коридору, дойдя до лестницы, оно поднялось по ней на верхний этаж.

Джон, за секунду переведя дух, пошел к указанной ему двери. Переступив через лежащий около нее труп, он подошел к ней вплотную. (После того как человек, вышел из двери, она закрылась). И приложив ухо к двери, он решил проверить наличие за ней кого-нибудь. Он расслышал приглушенные голоса, доносящиеся из-за нее. И судя по услышанному им разговору, создавалось впечатление, что в комнате кто-то увлеченно играл в карты.

Джон, отстранившись от двери, несколько секунд обдумывал, что ему делать дальше. Потом, улыбнувшись сам себе, отошел на несколько шагов от двери и всадил в нее очередь. Пули, вылетая из Глока, прошивали дверь насквозь и влетали в комнату.

После чего он снова подошел к двери и прислушался к звукам, исходящим из-за нее. Но так ничего и, не услышав, он осторожно наклонился к одной из дырочек, сделанных его пулями, и посмотрел через нее в комнату. В комнате стоял стол, на котором лежали залитые пивом карты, деньги и осколки, бывшие всего лишь несколько мгновений назад бутылками из-под этого пива. Около стола на стульях сидели изрешеченные пулями трупы троих людей. В комнате никого живого не было, да и спрятаться здесь было негде.

Но все же Джон, открыв дверь, осторожно вошел в комнату, держа на изготовке Глок и готовый в любую секунду дать отпор. Оглядевшись по сторонам, он подошел к столу, на котором в луже пива и крови лежал маленький клочок бумажки. Бумажка промокла, буквы на ней

немного расплылись, но все равно он смог прочесть написанное на ней послание явно предназначавшееся ему.

«Джон иди в подвал» было написано на ней, явно женской рукой.

Так как в комнате ему больше нечего было делать, он вышел в коридор и медленно, осторожно передвигаясь, дошел до лестницы, ведущей в подвал. Перекрестившись, он начал спускаться вниз, держа на изготовке Глок.

Ступени издевательски скрипели под его ногами, причем, чем ниже он спускался, тем громче становился скрип. Спустившись в подвал, он поразился увиденному. Да действительно он нашел здесь заложника. Но их оказалось двое, и на их головах были надеты мешки, полностью скрывающие их лица. Они были привязаны к составленным рядом друг с другом стульям. И над их головами были занесены лезвия, которые без малейшего труда могли поделить их тела пополам. Кроме заложников в подвале никого не было.

Джон подошел к ним поближе и снял с их головы мешки. То, что он увидел под ними, поразило его еще больше. На одном из стульев сидел он сам, нет точнее не он, а его точная копия. Но насколько Джон знал свою семью, брата, а особенно близнеца, у него не было. Но тогда, кто сейчас сидел перед ним?

– Ты кто? – спросил Джон у сидевшей на стуле своей копии.

– Я это ты, а ты это я, – ответил ему близнец.

– Но как такое может быть? – удивился Джон. – Как?

– В этом мире бывает еще и не такое, – тихо ответил ему сидящий рядом с его близнецом второй заложник, про которого Джон даже временно забыл.

– Я это ты, – продолжила копия. – Но только тот, которым ты был раньше. Я твое прошлое.

– Как прошлое? – удивился Джон.

– Так, – ответила копия. – Помнишь Ташу? А тот вечер, когда ты ее встретил в первый раз, когда покупал в универсаме перчатки и как ты купил последнюю пару, а девушке стоявшей после тебя не хватило, и ты отдал ей их, ей, кстати, и была Таша? А тот вечер в горах, когда вы катались на лыжах, и она подвернула себе ногу, ты отнес ее в домик, у нее резко поднялась температура, и ты целую неделю после этого не отходил от нее ни на шаг? А тот... Да еще много всего.

– Но откуда тебе все это известно? – удивился Джон. – Ведь мы об этом никому не рассказывали?

– Я же уже сказал тебе, что я твое прошлое. А сегодня в самолете были не очень вкусные чизбургеры и уже сильно выдохшаяся баклажка кока-колы. Да, кстати, зря ты сегодня ходил ночью в трико, без них ты бы уснул.

– Здесь уже был Крок? Я правильно понял, и он это все вам и рассказал. Да? – выдвинул предположение Джон.

– Нет, его здесь не было, – копия уже слегка повысила голос на Джона. – Я же сказал, что я твое прошлое.

– Да... – тихо пробормотал Джон, а потом громко сказал. – Погоди, но мне сказали, что я должен спасти только одного заложника, – Джон сложил руку в кулак, а потом разогнул один палец. – Но вас двое, – он разогнул второй палец. – Кого же из вас я должен буду спасти?

– Это ты сам должен сделать выбор, – ответил ему заложник. – Но знай, спасая одного из нас, ты погубишь второго.

– Двух нельзя спасти, – продолжила копия. – Но знай еще, если ты убьешь меня. Ты автоматически убьешь свое прошлое. У тебя останутся настоящее, будущее, но не будет прошлого, – копия с вызовом посмотрела на Джона. – Итак, делай свой выбор.

– Я должен подумать, – Джон отошел от стульев. Простояв молча несколько секунд, рассматривая носки своих туфель, он подошел обратно к стульям, осмотрел связывающие залож-

ников веревки, но, покачав головой, отошел от них. Потом, через несколько минут, подошел к ним обратно, поднял лежащее около одного из стульев лезвие и перерезал веревки, связывающие его копию, при этом ослабив сплетенные с ними веревки, связывающие другого заложника. Из-за чего лезвия, висящие над заложником, с огромной скоростью полетели вниз, пригвоздив его к стулу.

– Ты сделал свой выбор. Теперь ты можешь идти, – сказала копия, подходя к лестнице ведущей наверх.

– А ты? – не понял Джон. – Ты идешь со мной?

– Нет. Я остаюсь здесь, ты прошел испытания, которых не было. Теперь иди.

– Я что-то ничего не понимаю, – проговорил Джон, не сдвигаясь с места. – Каких испытаний не было, а что я тогда здесь делаю?

– Иди наверх, – еще раз попросила его копия. – Там ждут тебя твои друзья, они тебе все объяснят. А меня на самом деле нет. Я голограмма.

– Как голограмма? – Джон не сдвигался с места.

– Иди, – не выдержав, заорала копия.

– Ну ладно, – Джон, пожав плечами, пошел наверх.

Наверху, около лестницы, как и говорила копия, его уже ждали. Наверху была Элжен, и рядом с ней стоял Крок.

– Ты? – удивился Джон, увидев Крока. – Разве ты не должен был ждать меня в самолете?

– Ты сколько раз еще будешь удивляться, увидев меня? – спросил Крок у Джона. – А в самолете сидеть мне попросту надоело.

– Все это как-то странно и неожиданно для меня, – произнес Джон.

– Да ладно вам. Хорошо, – вступила в их диалог Элжен, подходя к Джону, и обняв его за плечи. – Ты справился с испытанием.

– погоди, – попросил ее Джон. – Ответь мне на несколько вопросов.

– Ладно, – согласилась она. – Выкладывай свои вопросы.

– Что значат, слова моей копии в подвале, что я прошел испытания, которых не было?

– Это значит, что ты на самом деле не проходил никаких испытаний.

– Это как? А эти комнаты? а подвал? а моя копия? Этого что на самом деле не было? А как же каждое второе твое слово о моем убийстве в случае провала?

– Но разве мы можем терять людей с такими рекомендациями? – Элжен улыбнулась Кроку. – Таких людей раз, два и обчелся. А они нам очень нужны. А насчет испытаний они, конечно же, были, но это не были испытания как таковые. Это были просто проверки.

– Что было бы на самом деле, если бы я не прошел их?

– Ничего. Мы бы просто отправили тебя домой.

– А тогда зачем же постоянно говорить о смерти?

– А ты не понял?

– Нет.

– Чтобы повысить концентрацию твоего мышления. Ведь когда человек знает, что от его решения зависит жизнь не только какого-то другого человека, но и его собственная он начинает думать быстрее и четче.

– Вот как...

– Кстати как ты думаешь, что мы в тебе проверяли? – Элжен с интересом посмотрела на Джона.

– В первой комнате, – Джон немного задумался. – Наверное, удачу, во второй интеллект, а в подвале я не знаю...

– Ты немного ошибся, – прокомментировала его ответы Элжен. – В первой комнате мы проверяли твой азарт, умение вовремя остановиться. Да кстати, ты хочешь узнать, какая карта осталась неперевернутой?

- Да, – ответил Джон. – Хочу.
- Это была двойка пик.
- Нормально...
- Про вторую комнату ты прав, – продолжала разяснять Элжен – А в подвале мы просто хотели посмотреть, кого ты спасешь.
- А это и правду было мое прошлое.
- Конечно же, нет, – Элжен слегка улыбнулась. – Это была иллюзия, фантом, голограмма.
- Но откуда же тогда, она знала вещи известные только мне и Таше?
- Ответ этот очень прост, эта голограмма видит людей и может легко читать их мысли.
- А вы можете Элжен читать мысли?
- Нет. Это могут делать только голограммы, которые могут существовать на Земле только в этом замке.
- Но почему только в замке?
- Я точно не знаю, наверное, в этом месте находится какая-то нетипичная для Земли энергия.
- И что на Земле нет больше такой энергии?
- Я же тебе не физик и не занимаюсь энергией, так что не задавай мне на эту тему больше вопросов.
- Тогда у меня есть, пожалуй, последний вопрос. А те люди, которых я убил, тоже были голограммами?
- Да. Так же как и те, у кого ты проходил свои первые испытания. Реальными здесь, в этом замке являются только ты, я и Крок.
- Крок подошел к Джону и похлопал его по плечу.
- Помнишь дружище, я говорил тебе, что Крота уже нет? – спросил он у Джона, на что тот в ответ кивнул головой. – Так вот, я не справился с собой в этом подвале и спас второго заложника. Знаешь, как это видеть, как ты умираешь, – его глаза слегка увлажнились. – Не знаешь, – и сдавленным голосом добавил. – А я знаю. Это потом мне сказали, что это была лишь иллюзия. Потом... Но для меня уже было все равно.

Часть 2

Шесть дней

Туман. Густой, плотный туман. Туман похожий на парное молоко пролитое в небо и заполнившее собой, как жадный газ, все предоставленное ему пространство, не оставляя на потом даже маленького кусочка. Туман прикосновение, к которому можно даже ощутить телом.

Но если здесь еще хоть что-нибудь кроме этого тумана? Есть ли здесь земля? И если есть то, как далеко он находится от нее? И самое главное, что он здесь делает?

Джон не знал.

Его вырвали из реальной жизни и поместили в этот туман, словно пешку, которую чокнутый шахматист переместил из одной клетки шахматной доски на другую. Но кто был этим странным шахматистом?

Джон не знал.

И сколько он не пытался представить его, но это у него так и не получилось. У него даже не возникло на этот счет ни одной пусть даже самой нелепой и невероятной идеи. Он стоял уже перед свершившимся нелепейшим фактом: он был здесь, в этом тумане. Хотя, что значит был...

Он абсолютно не видел своего тела сквозь этот туман. Он только ощущал свое присутствие в нем, но не физически, нет. Дыхание, которое должно было ухудшиться из-за большой влажности, создаваемой туманом, оставалось прежним. Глаза не слезились. И самое главное, он не стоял на земле. Он словно парил в этом странном тумане. Казалось, что туман из-за своей большой плотности не дает ему возможности опуститься вниз, на землю.

Но пустота белесого тумана продолжалась недолго. Вскоре из него, словно со дна реки на ее поверхность, выплыла медленно, словно с трудом преодолевая сопротивление тумана, вращающаяся вокруг собственной оси практически плоская каменная пластинка.

Как бы это не могло показаться странным, но Джон видел эту пластинку совершенно отчетливо, словно она существовала параллельно с этим странным туманом. Он прекрасно видел, что на ней было что-то нацарапано. Но что именно, он как не пытался понять, так и не смог этого сделать: то ли из-за тумана, который мог все-таки исказить видимость и известные ему картины и буквы переворачивать в нелепые каракули; то ли из-за того, что пластина постоянно вращалась; а может, на ней были написаны какие-то слова на неизвестном Джону языке, хотя он знал их не так уж и мало: несколько земных и несколько инопланетных, но даже алфавита похожего на эти царапины он не видел ни разу в жизни. Да и камень, из которого была сделана эта пластинка, был каким-то странным, и неизвестным Джону.

После нескольких оборотов пластины, раздался громкий, густой, повелевающий голос. Но откуда он исходил, сверху, снизу или с одного из боков Джон не знал. Ему показалось, что он был словно растворен в тумане, или даже может быть этот туман, и был этим голосом.

– Посмотри на эту пластинку и запомни ее. Ты должен будешь найти ее.

Джон хотел сказать что-то. Узнать, чей голос он слышит, и где он должен искать эту пластинку, но не смог этого сделать. У него создалось впечатление, что он набрал полный рот тумана, и его голос тонет в нем.

– Ты должен сделать все сам, – ответил голос на его так и не заданный вопрос.

Джон открыл глаза и увидел над собой зеркальный потолок, в котором отражалась огромная постель, на которой, положив голову на его руку, спала его напарник, а по совместительству гражданская жена Элжен, и вся остальная комната, а точнее спальня.

Спальня представляла собой большую и просторную комнату, в которой кроме кровати также находились: небольшая тумбочка, стоящая возле кровати, в которой хранилось его с Элжен нижнее белье; небольшой столик, на котором они иногда ужинали; два стула стоящие возле столика, на одном из которых сейчас лежала аккуратно сложенная порванная одежда, которую они вчера вечером в порыве страсти срывали друг с друга и сбрасывали на пол, а после того как Элжен уже уснула, он аккуратно сложил ее на этот стул; и окно, через которое сейчас пробивались первые лучи восходящего солнца, окрашивая комнату в легкий, еле заметный для глаз, желтый цвет.

Элжен была немного ниже его ростом с упругим, молодым телом, практически таким же, как и у обыкновенного человека. Хотя на самом деле она и не являлась им, а была представительницей древней расы альтрасов. (Большинство инопланетных рас были очень похожи на людей. А альтрасы же были самыми близкими к людям даже из таких рас, и единственным их отличием от людей были лишь слишком правильные для человека черты лица и строение тела)

С того дня как они познакомились в том старинном замке, где Джон проходил проверку, а Элжен была его проводником, прошло уже около года. Их любовь развивалась бурно и очень стремительно, словно горная река, поглощая их с головой. Уже в первый же вечер, в том замке, сразу же после проверки, он так, ради шутки, не надеясь даже на согласие, пригласил ее куда-нибудь с ним пообедать, и неожиданно для него она согласилась. На следующий день они уже сидели в небольшом приморском ресторанчике, находящимся недалеко от этого домика, и уже той же ночью они были здесь. Тогда-то Джон впервые в жизни и узнал вкус неземного тела, тела альтраски. А потом все пошло и поехало...

Уже через неделю они решили, что Элжен должна переехать сюда жить, а еще через месяц она бросила свою тихую и мирную работу проводника испытуемых, которых было не так уж и много, и стала его напарником. И хотя поначалу Крок был против этого: кому понравиться, когда человек, с которым ты хочешь работать, уходит от тебя, и тебе приходится искать себе нового напарника. Но потом, все же смирившись с этим, он выбрал себе в напарники молодого парня, недавно окончившего с отличием военно-десантную школу в России. (Хотя Крок до сих пор, как впрочем, и большинство людей и инопланетян из их окружения, не понимал, что могла найти одна из прекраснейших представительниц древнейшей расы альтрасов в обычном человеке. Джону и самому иногда было интересно это знать, но каждый раз, когда он спрашивал это у Элжен, она только лишь молча улыбалась ему в ответ).

Джон осторожно, чтобы не разбудить Элжен бережно переложил ее голову со своей руки на подушку, и, нежно погладив ее белые короткие волосы, встал с кровати.

Подойдя к стоящему рядом стулу, он взял с его спинки трико, в которых обычно ходил по дому в выходные дни, которых выпадало не так уж и много, и надел их. После чего, нацепив на ноги стоящие рядом тапочки, с изображенными на них львами, он как можно тише ступая на постеленный на полу ворсистый персидский ковер, который он привез из Китая, где выполнял очередное задание, несколько месяцев назад, вышел из спальни.

– Какой-то странный, чрезмерно реальный сон, – пронеслись мысли в его в голове, когда он спускался по лестнице на первый этаж. – Ни разу таких раньше не видел. И самое главное, я отчетливо помню ту странную пластинку, словно я ее видел не во сне, после которого иногда, а может быть даже и всегда, помнишь только лишь то, что с тобой происходило там, вещи, которые тебя окружали, людей, с которыми ты общался, но ты их помнишь, словно сквозь мутную призму, из-за которой смываются все мелкие штрихи, оставляя от предметов лишь их образ и силуэт, а наяву.

Дойдя до кухни, он взял с плиты пустой чайник, и, набрав в него из-под крана холодной воды, поставил его обратно на плиту, после чего зажег под ним огонь, лежащими рядом с плитой спичками. Достав из кухонного шкафчика свою любимую чашку, на которой был нарисо-

ван гепард бегущий за антилопой, он насыпал в нее четыре чайных ложечки сахара, отрезал и выдал туда ломтик лимона, после чего насыпал в нее чайную ложку заварки.

Элжен предпочитала с утра пить кофе. Ее, как и обычного человека, он взбадривал, приводил в чувства. И без него, как она часто шутила: «она не чувствует себя по утрам человеком». А Джон же наоборот не пил кофе, ни утром, ни днем, ни вечером. Ему не нравился его горьковатый вкус, он предпочитал ему сладковато-кислый вкус чая с лимоном.

Сев на стоящую рядом со столом табуретку, он сложил на нем руки, и, положив на них голову, закрыл глаза.

– Но кому мог принадлежать этот голос? Кому? – продолжал размышлять он, понемногу проваливаясь в сон. – И что это за странная пластинка? как я смогу ее отыскать, если даже ничего не знаю о ней? Пока только одни вопросы, а где взять ответы на них? Где? Надо все рассказать Кроку и Элжен, может, они мне смогут помочь. Или весь этот сон просто бред, и никто мне на самом деле ничего не поручал найти?

Из полуспящих раздумий его вывел чайник, который, закипев, засвистел на плите. Приподняв голову от рук, Джон с негодованием посмотрел на него.

– И, что тебе только свистеть и нужно? – спросил он. – Не можешь сам выключиться, и налить мне в чашку кипяточку, железяка глупая, – и махнул рукой.

После чего, встав со стула, он подошел к плите и выключил газ. Налив в чашку кипятка он размешал ее содержимое, и с помощью лежавшего около раковины кухонного полотенца, взял чашку за ручку, которая успела уже нагреться, и поставил ее на стол. Положив полотенце обратно к раковине, он сел на стул и через несколько минут, когда чай уже слегка приостыл, подвинул чашку поближе к себе.

Думать о сне ему пока больше не хотелось. Он окончательно решил, что когда проснется Элжен, он сначала поговорит с ней, потом, если понадобится, позвонит в Норвегию Кроку, который, взяв себе отпуск, отправился туда кататься на горных лыжах. А уж после этого решит, что делать ему дальше. А сейчас...

Сейчас он просто будет пить мелкими глоточками горячий чай, и смотреть в окно, за которым солнце уже слегка выглядывало из-за гладкой, словно полированное дерево, воды, окрашивая водную дорожку, ведущую к нему в желтый цвет. Вокруг не было ни души, было тихо и спокойно...

Наконец-то после изнурительно-долгой зимней ночи в город понемногу начало проникать утро. И хотя на улицах по-прежнему оставалось еще темно, но уже чувствовалось, что еще немного еще чуть-чуть и город зальется солнечным светом.

На улицах уже начали появляться первые люди, которые, неспешно, словно еще не до конца очнувшись после крепкого сна, который бывает только зимой, шли по своим, только им известным делам.

Весной и осенью сны чаще всего бывают какими-то беспокойными. Весной из-за оживления природы, появления на свет новой жизни. Осенью же наоборот нам не дает спать предчувствие скорой смерти, и иногда мы даже просыпаемся ночью в холодном поту – ведь так хочется, урвать еще немного от этой жизни, прожить еще хотя бы один день. А летом мы вечно куда-то торопимся, спешим жить, в наших венах бурлит и играет, словно хорошее шампанское, кровь и нам просто не хватает времени на сон. И лишь тогда когда власть в свои руки берет зима: природа погружается в глубокий сон; время приостанавливает свой бег и наша жизнь замедляется вместе с ним. Вот тогда-то и приходит по-настоящему глубокий и крепкий сон, которому ничто не может помешать.

На головы пешеходам осыпается мелкий снежок, который, стремясь хоть немного взбодрить их, залетает им под одежду, и, тая там, передает им свой холод. А некоторые снежинки медленно, словно танцуя танго с ветром, плавно подчиняясь его движению, медленно ложатся на землю и умирают, образуя при этом прекрасный персидский ковер, в который так и проваливаются ноги.

Мимо по дорогам иногда проезжают машины. Сейчас машин и людей на улицах еще мало, но не пройдет и часу, как на дорогах появятся привычные Московские пробки, а по тротуарам ползет, хаотично передвигаясь, людская река. Но это будет еще только через некоторое время, но, а пока... пока на улице темно и практически безлюдно.

Но автобусы начали ходить уже несколько часов назад, перенося людей из области в столицу России. И неважно, что пока в них набирается от силы человек пять, но ведь они тоже куда-то спешат и им нужно куда-то ехать, а следовательно, и автобусы должны ходить.

В большом желтом автобусе ехало несколько человек: двое парней, молча сидящих на передних сиденьях; парень с девушкой, тихо общающиеся между собой; и красивая, молодая женщина, лет тридцати, с огненно-рыжими волосами, с девочкой лет восьми, мать с дочерью.

Девочка, положив голову на плечо мамы, наблюдала, как некоторые снежинки, кружившиеся в темноте за окном, попадали на окно, и, тая, оставляли после себя маленькие капельки воды, которые, стекая по стеклу, образовывали занятные узоры.

Приподняв глаза от книжки, на обложке которой была изображена девушка с клюшкой для гольфа, женщина посмотрела на сидящих впереди нее молодых людей и, вспомнив себя такой же молодой, тогда еще студенточкой, слегка вздохнула. Ведь не все то, о чём она тогда мечтала, сбылось, да и проблем со временем становилось все больше и больше. Муж, которого она очень сильно любила, погиб два года назад, оставив ей после себя маленькую дочку. Она, конечно, пыталась познакомиться с кем-нибудь, ведь ей было только чуть больше тридцати, и как она говорила самой себе, незачем хоронить себя заживо и жизнь должна продолжаться дальше, да и к тому же дочке нужен хоть какой-то мужской присмотр. Но еще не угасшая ее любовь к погибшему мужу не давала ей сделать этого, и после нескольких встреч с мужчиной она всегда уходила от него. Да и работы в последнее время сильно прибавилось, и вот она уже несколько месяцев подряд не может не то что сходить с дочкой куда-нибудь, но и даже пообщаться с ней по нормальному, всё как-то урывками и впопыхах. А девочка между тем все растет и растет, как говорится, не по дням, а по часам и скоро она совсем повзрослеет, и у нее появятся ухажеры... А она из-за своей работы даже не заметит, как это произойдет.

Встряхнув головой, женщина отогнала от себя грустные мысли.

– Ничего, через несколько недель, когда будут готовы уже практически все заказы, работы станет намного меньше, и вот тогда-то у меня появится свободное время, которое я полностью посвящу ей, – тихо прошептала она, посмотрев на дочку, и заложив страницу, на которой она читала закладкой, закрыла книгу и положила ее в сумочку.

– Ну, как ты золотце мое? – спросила она, нежно перебирая дочкины короткие золотистые волосы.

– Нормально ма, – ответила Даша и повернулась к маме.

– Спать хочешь? – спросила у нее Таня.

– Немножко, – зевнув, ответила Даша, прикрывая рот ладошкой.

– Не засыпай, держись, мы уже скоро приедем. Хорошо?

– Да ладно тебе ма, что я маленькая что ли, конечно, не засну, – ответила

Даша. – А ты как сама, не хочешь спать, а то вчера опять целую ночь за компьютером просидела и легла спать только лишь под утро?

– А ты откуда знаешь? – удивленно посмотрела на дочку Таня. – Ты что тоже не спала?

– Да нет, что ты. По тебе, просто, это и так видно, у тебя опять бледный и уставший вид, мешки под глазами. Измотаешь ты себя скоро совсем, – она с легкой укоризной посмотрела в мамины карие глаза.

– Да все будет нормально, Дашенька, еще немного и можно будет расслабиться, – вздохнула Таня. – И мы уедем с тобой, только ты и я, на пару недель в Австралию и будем там загорать и купаться, договорились? – спросила она.

– Да, – ответила Даша, и грустно добавила. – Ты все время так говоришь, да и притом я же учусь.

– Но это точно в последний раз. Я, действительно, скоро освобожусь, и мы поедем с тобой отдыхать. А за учебу можешь не беспокоиться, ходим в поликлинику и возьмем для тебя справку, что ты заболела.

– Да знаешь ма, я ведь уже не маленькая, и знаю, что пройдет пару недель, а потом еще пару недель, а потом еще несколько, а ты все также будешь говорить, что скоро, и что теперь уж точно скоро, – махнула рукой Даша. – Да только ты знаешь, я ведь не за себя, я за тебя переживаю. Ты ведь, действительно, скоро полностью измотаешь себя, нельзя же так.

Даша ласково погладила маму по голове и опять отвернулась к окну. Несколько минут они проехали молча. Даша продолжала смотреть на пейзажи за автобусным окном, а Таня, снова достав из сумочки книгу, стала читать ее. Но читала она ее только до тех пор, пока ее взгляд не упал на лицо дочери, которое выражало одновременно и удивление и растерянность и даже где-то немного страх.

– Даша, что с тобой? – удивленно спросила она у дочери.

– Ма, ты можешь, конечно, назвать меня маленькой глупенькой девочкой, – ответила Даша, не прекращая заморожено смотреть за окно, при этом голос ее слегка срывался. – Но я абсолютно не понимаю где мы, я, конечно, знаю, что мы в автобусе, но по какой улице мы сейчас едем?

– Ну что ты, маленькая, конечно, ты не глупенькая просто ты забыла эту улицу. Это улица назыв... – Таня посмотрела в окно и действительно увидела там абсолютно незнакомый ей пейзаж. За окном был заснеженный, темный лес, слегка освещенный луной. – Называет... называется, не знаю, – ошарашено, закончила она.

Просидев несколько минут, молча смотря за окно, Таня снова обратилась к Даше:

– Погоди, сейчас спросим у тех ребят, – она показала рукой на ребят сидевших впереди них.

Потом встала и подошла к девушке, которая увлеченно разговаривала с сидевшим рядом с ней парнем, наклонилась к ней, и что-то спросила у нее, но Даша, внимательно следившая за мамой, не расслышала, что именно. Зато она прекрасно увидела, как девушка и парень практически одновременно посмотрели в окно, и выражение ужаса посетило и их лица. Они стали озираться по сторонам, словно, пытаясь понять что-то или найти.

Дашу стало немного забавлять сложившаяся ситуация. В первый раз она попала в такую занимательную и в тоже время странную историю.

Понаблюдав немного за происходившим в салоне, она снова взглянула за окно и вдруг заметила в лесу какую-то странную тень, мелькнувшую на несколько секунд между деревьев, но не подходившую ни к одному из известных Даше животных. После этого она стала еще пристальней вглядываться в лес, но тень больше так и не появлялась.

– Наверное, померещилось, – подумала она и, отвернувшись от окна, увидела бледную, словно снег за окном, Таню, стоявшую возле нее, руки ее тряслись, колени подкашивались.

– Что? Что случилось? – встревожено спросила Даша, и, вскочив с сиденья, взяла маму за руку. – Тебе плохо?

– Т...т...ам н... ни... ко... го н...е...т, – выдавила из себя Таня, показывая куда-то рукой.

– Где там? – не поняла Даша, но тут же увидела, куда показывала ее мама. – Как? – только и спросила она, мамина рука выскользнула у нее из руки, ноги её подкосились, и она опустилась в кресло.

Таня показывала на то место, где должен быть водитель.

И тут раздался страшный непонятно откуда исходивший, то ли изнутри автобуса, то ли с наружи, то ли вообще его издавал сам автобус, низкий и мокрый голос.

– Добро пожаловать в Вечность.

В тронном зале не было никого, кроме двух волоков, Короля и его Военного советника. (Волоки были во многом схожи с людьми, только их кожа была очень светлого, практически белого цвета, на голове полностью отсутствовали волосы, и их узкие глаза, были полностью черного цвета и в них отсутствовали зрачки) И хотя волоки ни с кем и никогда не воевали, но у них была огромная армия. Ибо они жили вот уже несколько десятков поколений только ради одной цели... ради войны.

Ради войны, которая уже была не за горами, и должна была начаться в ближайшие годы. И хотя многие из волоков уже не понимали, зачем она им была нужна, но они тщательно готовились к ней.

И уже все чаще и чаще в их глазах можно было прочесть:

Да, Приол незваным гостем пришел на планету наших предков. Да, он создал солнце, которое развеяло тьму на нашей планете, и наши предки начали умирать от этого. Да, он практически уничтожил нашу расу. Да, он заставил нас уйти с нашей же планеты и искать себе новый дом. И без помощи Хоролла, который пришел к нам на помощь и отвел нас, как маленьких слепых детей, в это пространство, мы бы все окончательно погибли. Все это, конечно, правда. Но... но мы же выжили. Мы обустроились здесь. И теперь эта параллель Земли, на которой мы живем уже очень долгое время, и на которой жили наши отцы, деды, прадеды, и есть наш дом. Конечно, мы можем уничтожить людей. Мы, наверное, уже сможем отомстить и самому Приолу, но что это нам даст? Нам что от этого станет легче? Нам станет легче, если в битве с Приолом мы опять поставим под угрозу существование нас, как расы? И уж точно потеряем своих детей, отцов и матерей. Легче?

Но все это волоки могли говорить только лишь шепотом, где-нибудь в укромном уголке, где бы не было посторонних ушей способных донести на них. Ведь за такие слова, жрецы Хоролла могли смело обвинить их в забвении памяти о предках, а, следовательно, и в предательстве. А за такое преступление приговор мог быть только один. Смерть!

Лишь один волок смог открыто, не боясь никого и ничего, заявить свое негативное отношение к предстоящей войне – это был Военный советник. Король отчетливо помнил то, как тот пришел с этими словами.

Это случилось около года назад, накануне большого праздника посвященного чествованию Хоролла. В тот день в совещательном зале собрался очередной совет по поводу проведения праздника, на котором находились все высокопоставленные волоки, начиная от мэра города, в котором по жребию выпала честь проведения праздника (каждый год Король бросал жребий. Он становился перед картой Вечности, брал в руку талисман Хоролла, который представлял собой средних размеров хрустальный шар, внутри которого находилась капля крови Хоролла, закрывал глаза, ставил его по середине карты и раскручивал. На каком городе шар останавливался, там и проводили следующий праздник) и, наверное, заканчивая верховным жрецом Хоролла. (Так, что скрыть тот инцидент, у Короля не было ни какой возможности, хотя желание было огромным, ведь Военный советник был ему близок по духу). Но в зале не было

одного волока, хотя и он должен был быть там... Военного советника. Никто не знал где он. За ним посылали, и домой, и в штаб, где обычно происходили обсуждения предстоящей войны. Но его нигде не было. И совет поначалу хотели даже отложить до его прибытия на него или до полного выяснения причин его отсутствия, и если он все-таки не сможет прийти, то тогда уж проводить совет без него.

Но против этого выступил сам Верховный жрец. И так как с ним не хотел сориться даже Король, то совет начался вовремя.

Заседание шло своим обычным чередом: обсуждали поставки нужного на празднике удовольствия, проводимые на нем представления и тому подобное. Но это продолжалось только до тех пор, пока в зал гордой походкой не вошел в полном обмундировании Военный советник. Он прошел через весь зал и остановился рядом с Королем. Сняв с плеча свою отличительную ленту, и, отстегнув от пояса меч, он положил их на стол рядом с ним.

– Я больше не ваш военный советник. Я с удовольствием и гордостью приму любое наказание, которое вы ко мне примените. Свою смерть я приму с улыбкой.

Король тогда не понял, что это означало. Почему, волок, которому он всегда доверял, иногда даже больше чем самому себе, так поступал.

Это сейчас он знал об этом. Но тогда... Тогда он был слеп.

– Где ты был, и что с тобой случилось? – твердым и решительным голосом спросил у Военного советника Верховный жрец. – И не лги своему Королю.

– Где я был... Я был у людей на Земле, – спокойно ответил Военный советник.

– Предатель – прошелся шепот по залу, – он предал Хоролла.

– Как? – выдохнул Король.

– Так, мой король, – Военный советник продолжал стоять около Короля, он даже не подумал сесть на свой пустой стул, который стоял рядом. – Знаете я не жалею об этом. Я видел, как живут эти наши якобы главные враги. Ради предстоящей борьбы с которыми мы и жили все эти века. Я прожил среди них всего лишь несколько недель, но успел многое понять.

– Но как? Как тебе удалось там жить? – отовсюду были слышны недоверчивые возгласы. – Как их яркое светило не убило тебя?

– Да я действительно знаю, что мы не можем жить на свету, – начал объяснять Военный советник. – Я и не говорю об обратном. Я ходил по улицам, когда на небе было их не яркое светило, которое по свету похоже на наше Лунатари. А когда на его место восходило яркое, я прятался в подвалах их домов.

– Но зачем тебе это было нужно, зачем? – удивился Король.

– Я должен был узнать своего врага в лицо. Но то, что я увидел, поразило меня. Знаете, – он обвел присутствующих взглядом. – Я увидел, что нашими главными врагами являются отнюдь не люди и не Приол. Главными врагами для нас являемся, прежде всего, мы сами. Мы живем ради войны. Люди же да, конечно, они в отличие от нас воют друг с другом, но они живут ради мира. Они не проходят мимо, когда кто-нибудь нуждается в их помощи. Они не смотрят на себя и на других с одной лишь мыслью, что они могут сделать для предстоящей войны. Они называют друг друга по именам, а не породу своей деятельности, – он ненадолго замолчал. – И еще. И это самое главное... они любят.

– Любят? – удивился Король. – А что это значит?

– Я не могу это объяснить вам словами, – ответил Военный советник. – Но я узнал, что есть несколько видов любви. Любовь матери к ребенку, любовь мужчины и женщины самые распространенные из них. Хотя есть и другие. И я понял, что нам нужно отказаться от мести, она не к чему хорошему нас не приведет. Мы должны научиться жить в мире, и думать, прежде всего, не о войне, а о жизни.

– Интересно говоришь, твои слова заняты, – Верховный жрец встал со своего стула и, подойдя вплотную к Военному советнику, заглянул в его глаза. – Но, правдивы ли они? Не встал ли ты на сторону людей и просто обманываешь нас здесь?

– Нет, клянусь Приолом.

– Приолом, да? – Верховный жрец хлестко ударил Военного советника по лицу, от чего у того из губы потекла кровь. Военный советник вытер текущую из губы кровь, и гордо глядя в глаза Верховному жрецу, ответил:

– Да, Приолу.

– Отрубить ему голову, – презрительно сказал Верховный жрец и отошел от Военного советника.

– погоди. Не суетись, – вставая, попросил у него Король, после чего перевел сочувствующий взгляд на Военного советника. – У тебя есть год. Если ровно через год, на таком же совете, ты не докажешь нам, что люди на самом деле лучше нас, тебе во время праздника посвященного Хороллу на площади отрубят голову. Ты согласен Верховный жрец, с таким моим решением? – Король повернулся обратно к Верховному жрецу.

– Да. Мой король, – сквозь зубы ответил тот.

До назначенного в тот день срока оставалось шесть дней. Совет был уже не за горами и скоро должна будет решиться судьба уважаемого им волока. И самое главное для Короля, было то, что смерть этого волока означала бы продолжение подготовки к войне, которую он уже и сам не хотел.

За прошедший год они не встречались ни разу. Хотя Король поначалу и хотел увидеться с Советником и еще раз уже без свидетелей объясниться с ним, но это желание у Короля постепенно угасало, и он даже не заметил, как оно потухло совсем и на его место пришло другое. Он перестал хотеть, нет, он ни не хотел, а боялся встречаться с Советником. Он боялся взглянуть в его глаза и не найти слов, которые он смог бы сказать ему, и самое главное не услышать, те ответы которые хотел.

Советника в этот год не видел никто, сразу же после того как он ушел с совета он как будто исчез. Его искали по всей Вечности, (так волоки называли пространство, в котором они жили) но его нигде не было.

И вот сегодня, когда до того как Лунатари покинет свое небесное место, оставив его пустым, оставалось около часа, он сам пришел к Королю и захотел встретиться с ним.

Король сначала решил отказаться от этой встречи, но потом все-таки, с трудом переборов себя, решил послушать то, что может сказать ему Советник и в случае чего помочь ему всем тем, чем сможет, и согласился. И вот сейчас они находятся здесь, в тронном зале.

– Зачем ты позвал меня? – Король собирался держаться с Советником сдержанно.

– Я хотел сказать вам, что я сделал, так как вы и просили, – ответил Советник. Он выглядел также как и год назад, та же осанка, тот же уверенный взгляд и тот же безупречно чистый костюм, не хватало только одного элемента его одежды... перекинутой по диагонали от левого плеча ленты, отличительного знака Военного советника, которую он оставил на том совете. – Не спрашивайте меня как, но мне удалось переместить в наше пространство несколько людей. Их шестеро. И на совете, я смогу показать вам то, о чем вы меня просили.

– Я рад за тебя, – не сумев сдержаться, Король обнял Советника. – Я знал. Я верил в тебя.

– Так вот, – продолжил Советник, отстранившись от Короля. – Я могу сказать вам, что я приведу на совет маленькую девочку. Но все, что будет происходить на совете дальше, будет для вас сюрпризом. От вас мне нужно будет только одно. Вы не должны ничему, абсолютно ничему, – уточнил Советник, – мешать. Вы дадите мне слово, мой король?

– Да, – согласился Король, прижимая левую руку, сжатую в кулак, к сердцу. – Я клянусь тебе в этом. Я сделаю все, что будет в моих силах и даже больше.

– Спасибо, мой король, – поклонился Советник. И выпрямившись, пошел к двери.

– погоди, Советник, разве ты не расскажешь мне ничего? – глядя в спину удаляющемуся волоку, удивленно спросил Король. – Не расскажешь своему Королю, как ты прожил весь этот год?

– Нет, мой сир, – повернувшись к Королю, ответил Советник. – Не сейчас. До встречи на совете, – и он вышел из тронного зала, оставив Короля в одиночестве.

Храм Хоролла находился в самом сердце Волокдарма, в непосредственном соседстве с королевским дворцом. И по красоте и по размерам он нисколько не уступал ему, а может, даже и превосходил его.

Обычно в храме было очень много волоков. Кто, стоя на коленях, молился святому Хороллу; кто в отдельных кабинках исповедовался жрецам (все волоки должны были исповедоваться не меньше чем раз в месяц, нарушителя этого установления сажали в тюрьму); а кто и просто заходил в храм для духовного соприкосновения с Хороллом. Но не в эту ночь...

Эта ночь была особенной.

Как только Лунатари поднялась на небо, все кто еще оставался в храме, были выгнаны на улицу, после чего храм начали покидать и сами жрецы. Все... все кроме одного.

Кроме Верховного жреца, который как только закрылась дверь за последним волоком, прошел в большой молельный зал, стены которого были раскрашены картинами, восхваляющими величие Хоролла. Подошел к стоящему в центре зала белому алтарю, на котором Волоки преподносили Хороллу свои дары. И встав перед ним на колени, накиннул на голову капюшон белого балахона, соединил ладони в форме лодочки, и, наклонившись немного вперед, стал произносить молитву.

– Жрец, ты звал меня, вот я и пришел, – через некоторое время, раздался величественный голос за его спиной.

Жрец мгновенно повернул голову на голос. И увидев там того, кого ждал, он поднялся с колен, поправил образовавшиеся складки балахона, негоже было появляться в помятой одежде перед ним самим, и повернулся к фантому Хороллу. (Хоролл не мог материализоваться в этом измерении, он приходил сюда только как фантом, бесплотный призрак).

– Я знал, что ты придешь, – сказал Жрец, смотря в лицо Хоролла, правда, для этого ему пришлось слегка приподнять голову. Ведь хотя Хоролл и выглядел сейчас также как и обычный волок, но ростом он был раза в полтора выше самого высокого из них. Хотя точно сказать, так ли на самом деле выглядел Хоролл или он просто всегда появлялся перед ним в этом обличье, Жрец не мог. – Знаешь, наступают смутные времена.

– Да? – смотря сверху вниз на Жреца, удивился Хоролл. – Что же произошло такого, о чем я не знаю?

– Ты знаешь, что произошло на последнем совете, посвященном твоему предстоящему празднику? – спросил Жрец, снимая с головы капюшон. Он мог смотреть Хороллу прямо в глаза, пускай даже и призрачные, и не содрогаться при этом перед его величием. Хотя это давалось ему очень тяжело, и он поначалу трепетал перед Хороллом, но это медленно и постепенно, с каждым новым разом все больше и больше проходило, и вот теперь он мог говорить с Хороллом практически на равных (пусть это равенство было только лишь призрачным).

– Нет. Ты, конечно, не знаешь, но я был занят. Я заканчивал свое обучение, готовясь к предстоящей войне.

– Вчера на совете появился Военный советник. Я же знал, что он нас подведет, – с голосом волока познавшего всю глубину окружающего его мира, добил Жрец и топнул ногой.

– Не горячись, не горячись, – приободрил его Хоролл. – Если я точно не знал этого, то что тогда говорить о тебе, – и с жалостью в голосе добавил. – Он был бы хорошим командиром в предстоящей войне.

– Вот именно был бы! – возбужденно перебил Хоролла Жрец. – А теперь что?! – он со всей силой ударил по алтарю ладонью так, что на ней появился небольшой синяк, но, кипия от гнева, он не заметил этого.

– Не знаю пока ты, наконец-то, мне не расскажешь, что же все-таки произошло на этом совете, – Хоролл сгорал от желания узнать, зачем Жрец его все-таки позвал.

– Так вот, вчера он с опозданием явился на совет. Гордой походкой прошел через весь зал, положил на стол перед Королем свою ленту и свой меч, и заявил: я отказываюсь воевать против людей, – Жрец с призрением передразнил голос Военного советника.

– Почему?

– Он якобы побывал на Земле и увидел там то, что в отличие от нас люди не посвящают свою жизнь войне. Он понял, что они намного лучше нас, – продолжил Жрец. – У них есть любовь, – Жрец сделал иллюзию плевка, – Бездонный ашал. Я, конечно же, хотел сразу же казнить его и предотвратить, таким образом, всякое отступничество от тебя. Но мне помешал это сделать этот глупый Король. Он дал ему ровно год. Год на то, чтобы он доказал свои слова и показал ему и всему совету, что люди на самом деле не являются грубыми завоевателями, что они на самом деле намного лучше нас. И самое главное, – добавил Жрец с гневом. – Этот наглец посмел клясться Приолом.

– Вот как, – задумчиво произнес Хоролл и стал своими призрачными ногами расхаживать по залу, в котором кроме алтаря сделанного из самой редко-встречающейся, а, следовательно, и самой дорогой, породы белого камня ничего не было. Он ходил от одной нарисованной на стене картины, до другой. Создавалось впечатление, что он пристально рассматривал их.

Это были величественные картины, которые были нарисованы самыми лучшими художниками Вечности. Каждая картина простиралась от пола до самого потолка, который находился на несколько метров выше самого Хоролла.

На одной из них было изображено его лицо, по крайней мере, как оно выглядело в облике Волока. На другой было изображено, как он отрубает мечом голову Приола. И хотя это и не было правдой, но уже одна эта мысль приводила его в восторг. Ведь даже по прошествии стольких лет он не смог забыть того унижения, которому подверг его Приол. Как он стоял перед Приолом на коленях с завязанными за спиной руками. Как Приол произносил ему приговор, по которому его изгнали из его собственного пространства, делая из него изгоя.

Он вспомнил, как практически в то же самое время (сразу же после его изгнания), Приол захотел создать людей. (Хотя Хоролл не знал, для чего они ему понадобились: толи просто для забавы; толи он хотел ставить над ними какие-то свои опыты, то ли еще для чего-то). И вот тогда-то у него в мозгу и зародилось семя мести Приолу. Для этого-то ему как раз-то и нужны были волокни, которые должны были в решающей битве сойтись с творениями Приола людьми и отвлечь его, а он в это время нападет на него. Таким образом, Приол будет действовать сразу на два фронта, в отличие от него самого, который будет полностью поглощен сражением с Приолом. Он, конечно же, понимал, что это подло, но что он мог поделать, если Приол был сильнее его, намного сильнее его даже сейчас, и в открытом, честном бою у него просто не было шансов против него.

Но тогда ни он, ни волокни не были еще готовы даже к такой битве. Он многого еще не знал и не умел. С ним не было рядом его верных друзей, которых уничтожил Приол во время мятежа. И он начал путешествовать по различным измерениям. Он учился у населяющих эти измерения жителей, он обучал и готовил волоков к предстоящей войне.

И вот когда он уже готов был дать решающий бой, все оборачивалось против него. Он не мог допустить этого. Он не мог допустить того, чтобы волокни отказались от войны.

– А какое настроение среди обычных волоков? – спросил он, подходя обратно к Жрецу.
– Знаешь, – задумчиво начал отвечать тот. – Я думаю, большинство из них уже не хотят войны. Они не говорят об этом в открытую, лишь только по тому, что они боятся Короля и меня. Но если Король выступит против войны, то они поддержат его.

– Если поднимется бунт, то это будет означать конец, – задумчиво прокомментировал Хоролл. – Конец всем нашим мечтам и планам?

– Неужели все на самом деле серьезней, даже чем я себе представлял?

– Видишь ли, как бы тебе это лучше объяснить... А попробуем вот так. Знаешь, как муренки затаскивают превосходящую их в несколько сот раз пищу в норку? Они собираются вместе, кладут пищу на спину и дружно идут в свою норку, – Хоролл сделал небольшую паузу, а затем продолжил. – А теперь представь, что большая часть муренков захотела тащить эту пищу, а некоторые из них отказались, и те которые захотели, напали на тех, кто отказался, и стали уничтожать их. В конечном счете, перед нами предстанет следующая картина: горстка оставшихся в живых муренков стоящих рядом с пищей, которая останется теперь на прежнем месте, потому что оставшихся муренков не хватит, для того чтобы не только затаскать ее в норку, но и даже просто сдвинуть с места.

– Но я не понимаю, что ты хочешь мне этим сказать? Причем здесь муренки?

– Все очень просто, – словно наставник своему неразумному ученику Хоролл начал объяснять свои слова Жрецу. – Если поднимется бунт, то его можно будет подавить только убийством бунтующих. А это приведет, как минимум к гражданской войне, которая я даже не могу представить, чем может закончиться. Но самым успешным для нас вариантом будет, если в ней победят наши сторонники, но я боюсь, что их останется очень мало и нам опять придется терять много времени, за которое может произойти все что угодно.

– Ну что же нам тогда делать? – Жрец в ожидании взглянул на Хоролла.

– Давай подумаем об этом, – Хоролл начал размышлять вслух. – Если мы убьем Военного советника, то опять это обернется только против нас. У Советника появятся последователи, одним из которых будет Король. И опять может подняться бунт. Тогда нам остается либо скомпрометировать его, либо сделать так, чтобы его затея провалилась. И лучше всего это будет сделать как раз на следующем совете, через год.

– Но как? – перебил размышления Хоролла Жрец. Хоролл поглядел на него, словно на нерадивого ученика отвлекающего учителя.

– Мне нужно об этом еще подумать, и мы обсудим с тобой это позже, поближе к совету. Но сейчас... – Хоролл ненадолго замолчал, словно о чем-то задумавшись, а затем продолжил. – Придется действовать в ускоренном режиме, хотя мне этого так не хочется. В этот год нам надо сделать одну важную вещь. К тебе придет мой посланник, это будет человек. Его будут звать Эндрю. Ты должен будешь сделать, все то о чем он тебя попросит. Ты понял?

Жреца уже давно не удивляли странные поручения и странные помощники Хоролла. Он к этому уже привык.

– Да, Хоролл, – Жрец склонился в поклоне. Когда он распрямил спину, Хоролла в зале уже не было. Он всегда приходил и уходил внезапно, сначала материализуясь из воздуха, и после растворяясь в нем же.

С той встречи, которую вспоминал сейчас Жрец, сидя с закрытыми глазами в своем кабинете, положив голову на сложенные на столе руки, прошло уже около года. За это время уже многое успело произойти. К нему приходил Эндрю, и хотя он ничего не говорил Жрецу о своих делах, но требовал от него предоставлять ему волоков, которых ни живыми, ни мертвыми больше никто не видел. И хотя их жизни не волновали Жреца, ведь для него они были не больше чем несколько частиц из кучи песка, но его беспокоили дела Эндрю. Он всегда

не любил неизвестность. Из-за нее он думал, что нити власти выскальзывают у него из пальцев, и он теряет их. А этого он никак не мог допустить.

Да и к тому же от Советника не было никаких известий. И как тщательно Жрец не искал его весь этот год, но все было бесполезно. И это также не могло не тревожить его. Ведь до совета оставалось уже совсем не так уж и много времени, а он, словно молодой волок на свету, еще оставался в неведении о происходящих вокруг него делах.

– Жрец, – раздался голос перед ним. И не открывая еще глаза, он уже знал, кто его побеспокоил. Это был Он. Приподняв голову от рук и открыв глаза, Жрец увидел то, что действительно не ошибся.

– Приветствую тебя, Хоролл, – поздоровался он и удивленно спросил. – Я же не звал тебя?

– А разве мне нужно какое-то приглашение? – в ответную удивился Хоролл.

– Ты пришел поговорить со мной?

– Да.

– Тогда присядь, – Жрец показал Хороллу на стоящее рядом со столом кресло. – Мне так будет легче с тобой общаться.

– Наглеешь, – Хоролл недовольно посмотрел на Жреца, потом перевел взгляд на предложенное ему кресло, и остался стоять на прежнем месте. – Да, впрочем, ладно. – Он махнул рукой. – Я пришел только за тем, чтобы сказать, что тебе нужно будет сделать.

– Что же? – спросил Жрец.

– Ты должен будешь захватить женщину-человека. При этом ты можешь убить любого из ее спутников. Любого, – уточнил Хоролл, – но только не ее, и не ее дочь. Когда ты выполнишь задание, то призовешь меня, и я приду.

– Какую девочку? Какую женщину? – Жрец не понимал, о чем ему говорил Хоролл.

– За тебя делать всю твою работу, или только половину? – с укоризной спросил Хоролл. – Ну ладно, так уж и быть, я тебе помогу и отвечу на этот вопрос. Нужная мне женщина будет находиться в автобусе, который Военный советник переместил с Земли в Вечность.

– Но как он это сделал? – удивился Жрец.

– Я не совсем правильно выразился, точнее это сделал не он, а этот ничтожный Приол. Так вот этот автобус сейчас находится на дороге в лесу, рядом с Волокдармом. Ты должен торопиться и найти автобус до того как сядет Лунатари. Ты все понял?

– Да. Не стоит беспокоиться, все будет исполнено по высшему разряду, – отчеканил Жрец, пытаясь хоть как-то реабилитироваться в глазах Хоролла.

– Ну, вот и хорошо. Да кстати чуть не забыл, – уже стоя на пороге кабинета, развернулся к Жрецу Хоролл. – Самое главное сделай то, о чем я тебя попросил как можно тише. А теперь до свидания, Жрец, – и он вышел сквозь закрытую дверь кабинета.

Жрец остался один. И смотря на дверь, он думал о судьбе Хоролла и об истории своего народа. И если всю правду о Хоролле кроме него знали еще несколько волоков, среди которых был и Король, то правду о том, что случилось тогда, когда волоки были изгнаны, знал только он один. А правда могла бы сейчас перевернуть все с ног на голову. Она была проста и одновременно ужасна. И заключалась она в том, что когда Приол захотел создать новую жизнь, перед ним встал выбор из нескольких планет и пространств, на которых он мог это сделать. Он послал своих помощников исследовать их, но в пути, когда один из них уже возвращался с донесением о том, что на Земле живут волоки, Хоролл подменил его донесение и Приол пришел на Землю и сотворил над ней свет. И вот тогда то он и увидел, что она не пустынна. И ужаснулся, увидев, чем обернулся свет для волоков. Но было уже поздно...

Таким образом, во всех бедах волоков был виноват отнюдь не Приол, а именно Хоролл, но об этом не знал никто кроме одного предка жреца, с которым Хоролл до того как подменить сообщения встретился. Они заключили между собой договор, из-за которого Приол и пришел

на Землю. И по которому его предок представил Хоролла как спасителя. Тем самым, подчинив волоков Хороллу, а он сам стал его доверенным лицом в Вечности. Звание верховного жреца и истинное знание о тех событиях передавалось по наследству, от отца к сыну. И ни один из верховных жрецов не мог поделиться своим знанием ни с кем другим, даже со своим учеником, потому что как только бы он рассказал всю правду, он потерял бы власть, но это было не самое главное. Он потерял бы свою жизнь и испортил бы хорошую память о своих предках, которая ценилась волоками превыше всего другого. А в лучшем случае его просто бы объявили бы сошедшим с ума стариком и заперли где-нибудь до конца его дней. А власть бы унаследовал его сын, который знал бы, что эта история была правдивой, но не посмел бы подтвердить ее...

– Ты тоже это слышала? – спросила Даша у мамы, желая удостовериться, что этот странный голос ей не послышался.

– Да, – ответила Таня, при этом лицо ее, еще несколько мгновений назад бывшее смертельно бледным, стало неестественно серым.

Она опустила в стоявшее рядом с ней кресло, из которого несколько секунд назад Даша пересела на соседнее, расположенное рядом с окном, и, закрыв глаза, Таня начала лихорадочно думать, что же ей делать дальше. В первую очередь она, конечно же, боялась не за себя, а за Дашу. Не будь в этом проклятом автобусе ее дочки, ей было бы все безразлично. Она просто села бы в кресло и спокойно ждала, что же произойдет дальше. Но сейчас... сейчас она должна была хоть что-то предпринять. Но как назло в ее голове не было ни одной дельной мысли, поэтому поводу, нет, конечно же, какие-то мысли были, но они, набегая друг на друга, выпихивая друг друга, и опережая друг друга, не давали абсолютно никакой возможности в них разобраться. И при этом она не была уверена в том, что если ей даже удастся остановить хаотичный поток в голове, то это ей хоть как-нибудь поможет.

Так и не найдя никакого ответа на мучавший ее вопрос через несколько минут Таня снова открыла глаза и увидела как трое парней безуспешно пытаются вручную раскрыть автобусную дверь. А девушка, сидя в водительском кресле, то вертела в руках руль, то нажимала на всевозможные кнопки, то жала на различные педали, но и это не приводило абсолютно никакому результату.

– Молодые люди, – понаблюдав несколько минут за тем, что творится в автобусе, позвала Таня.

Но никто не обратил на нее никакого внимания.

– Молодые люди, – чуть громче позвала Таня, но результат остался прежним. – Эй, вы!!! – не выдержав, заорала она.

На этот раз парни обернулись к ней.

– Девушка! – еще раз закричала Таня.

Прервав свои бессмысленные занятия, девушка с растерянным выражением лица повернулась к Тане, при этом ее длинные золотистые волосы спали на ее лицо, но даже они не могли скрыть ее красоту.

– Да, что ты хотела? – спросила она.

– Вы все хотите знать, что здесь происходит, и что за странный голос мы слышали несколько минут назад? – спросила Таня, лицо которой начало понемногу принимать нормальный цвет.

– Да, – хором раздался ответ.

– Ну, так вот, я этого, так же как и вы, не знаю. И даже не догадываюсь об этом, – спокойно ответила Таня, приглаживая рукой волосы.

– Ну, так и отстань от нас! – огрызнулся на нее высокий, стройный, даже немного худощавый парень, который сидел рядом с девушкой, когда Таня несколько минут назад подходила к ней. И отвернувшись обратно к двери, он стал колотить по ней ногами и руками (ему все надоело, и он решил просто-напросто выбить дверь). Девушка с укоризной посмотрела на него.

– Успокойся, Ник, не психуй, – попыталась она успокоить его. – И давай лучше послушаем, что нам может предложить эта женщина, – она перевела взгляд обратно с парня на Таню. – Извини, я не знаю твоего имени.

– Меня зовут Таня, а это Даша.

– Это твоя дочка? – спросила девушка

– Да.

– Она у тебя просто красавица и глаза у нее необычные – зеленые, – Дашины щеки покраснели после таких слов, и она неловко посмотрела на пол. – Да, кстати, меня зовут Света, а это Николай, – она показала на парня, который, после ее слов снова отвернулся от двери и теперь с любовью и легкой тревогой смотрел на нее. – Но все его зовут просто Ник.

– А меня зовут Макс, – Макс был противоположностью Ника, он был низкого роста, немного полноватым с короткими темно-черными волосами.

– А я Сергей, – с неохотой представился оставшийся парень, который был чем-то похож и на Макса, и на Ника одновременно. И если на Макса он был похож некоторыми чертами лица, то на Ника своим большим ростом и длинными золотистыми волосами, которые у обоих были практически до плеч. Но если у Ника они были затянуты резинкой, то у Сергея они свободно спадали на плечи.

– Так ты что-то хотела предложить? – спросил Макс у Тани, от волнения хрустя пальцами.

– Извините, но что предложить в этой ситуации я не знаю.

– Что же ты от нас тогда хочешь? – удивленно посмотрел на нее Ник.

– За то я прекрасно понимаю несколько вещей. Вот ты, – Таня обратилась к Свете, которая уже подошла к Нику, который одной рукой обнял ее за плечи, а другой держался за поручень. – Хотела остановить автобус или взять управление им под свой контроль. Я правильно тебя поняла?

– Да.

– Ну а теперь, допустим, что произошло чудо, и тебе все-таки удалось это сделать, что тогда было бы дальше? Что бы ты сделала?

– А дальше... дальше я развернула бы автобус, и мы бы поехали по этой дороге обратно, – продолжала отвечать Света на Танины вопросы, не совсем понимая, что та все-таки хочет ей сказать.

– Ладно, хорошо, ты развернула автобус и поехала обратно, ну и что дальше?

– Сначала, я постаралась бы выбраться из этого леса, а уж потом посмотрела бы, что делать дальше. А зачем ты это спрашиваешь? Разве бы ты сделала не так же? – теперь настала Светина очередь задавать вопросы.

– Тебе, правда, это интересно?

Света молча кивнула головой.

– Хорошо, я отвечу тебе. Я не делала бы этого. Это только на первый взгляд правильное решение, а на самом деле...

– А что же на самом деле? – с раздражением перебил ее Сергей. – Ты что считаешь себя самой умной и знаешь, что здесь происходит?

– Я уже говорила, что не знаю, что здесь происходит, – спокойно ответила на его выпад Таня. – Но я просто хочу задать вам несколько вопросов, во-первых, кто из вас видел или хотя бы догадывается, как мы попали в этот лес, а то я лично этого не знаю, – она обвела всех взглядом, но те лишь в ответ только растерянно пожимали плечами. – Вот видите. Во-вторых,

я еще ни разу в жизни не видела автобусы, которые могли бы ездить без водителя и не давали, чтобы ими управляли.

– Может, его просто заклинило? – спросил Ник, еще крепче обняв Свету.

– Хорошо, предположим, что ты прав, – продолжила Таня. – Тогда возникает третий вопрос. Лично я не знаю ни страны, ни города, ни улицы, ни остановки на Земле с названием Вечность. Может быть, вы знаете?

В автобусе повисло молчание, во время которого немного успокоившийся Сергей подошел к Тане и сел в кресло напротив ее, следом за ним подошел Макс и сел в соседнее с ним кресло.

– Но может быть это просто, чья-то глупая шутка, – неуверенно сказал Макс.

– Может быть, но только вот чья? – спросила у него Света, продолжавшая с Ником стоять возле двери, – Я не знаю никого, кто бы мог так пошутить. А голос? Откуда мог исходить этот голос и кому принадлежать?

– Не знаю, но может быть, это был магнитофон, – неуверенно ответил Макс. – Хотя нет, – немного подумав, он опроверг сам себя. – Если это был магнитофон, то где он, – Макс встал и начал ходить по автобусу, заглядывая под все сиденья, приподнимаясь на носках, он заглядывал на верхние полки, смотрел в спинных карманчиках кресел, одним словом везде, куда можно было поместить какой-нибудь самый маленький магнитофончик. Но через несколько минут он вернулся и сел обратно в свое кресло. – Я его лично не нашел, да здесь очень сложно его спрятать, а, скорее всего, даже вообще невозможно.

– Так что всем стало ясно, что мы не знаем, что с нами происходит и куда мы попали, – продолжила Таня. – И даже если нам каким-то чудом удастся взять управление автобусом в свои руки, я не вижу, что это нам даст. За окном лес. Это возможно странно, но ничего плохого я в этом пока не вижу.

– Как? – удивилась Света.

– Так. А ты что-нибудь плохое в этом видишь? – в ответную спросила у нее Таня.

– Да. Мы же не знаем, где находимся, – ответила Света.

– Я же сказала, что это странно. Но что было бы, если бы мы узнали, что на самом деле представляет эта Вечность? Не известно. А здесь, по крайней мере, пока тихо и спокойно. И я не уверена, что то, что находится в лесу намного хуже того, что находится за его пределами. А если наоборот? Что ты Свет думаешь об этом?

– Не знаю.

– Я вот тоже, – ответила Таня и замолчала.

Через некоторое время из раздумий ее вывел Макс.

– Но, что если автобус остановить и остаться в лесу? – неуверенно спросил он, глядя в окно.

– Есть ли в этом смысл? Не знаю. Лично мне как-то не охота идти в этот лес, не знаю как тебе, – ответила она.

– Мне, если честно, тоже, – сказала Света.

– И мне, – ответил Сергей, с отвращением взглянув на несколько секунд за окно, и поспешно отведя глаза.

– А если остановить автобус и остаться здесь то, я не знаю как долго мы протянем, – продолжала Таня. – Так, что ты понял, наверное, что управление автобусом и открытые двери нам ничего не дадут?

– Но, что же нам тогда делать дальше? – спросила Света.

– Сесть, расслабиться, ждать и молиться... – ответила Таня и тихо добавила. – Зачем-то же мы кому-то нужны. И я хочу надеяться на лучшее, что с нами ничего плохого не случится.

Света с Ником послушавшись Таниного совета, прошли и сели на передние кресла, на которых до этого сидели и, обнявшись, стали ждать, что же произойдет дальше.

Сергей с Максом, просто откинувшись в креслах, стали думать каждый о своем.

Сергей вспоминал свою девушку, с которой он должен был через несколько дней пожениться, и которую он хотел еще хотя бы раз увидеть. А если с ним все-таки что-нибудь случиться здесь, он надеялся, что она будет долго горевать по нему. Но даже и в этом случае он хотел, чтобы у нее было бы все хорошо.

Макс же думал о зачете, который должен был быть сегодня и который как видно он уже пропустит, и уже начал искать причину своей не явки на него. (Достоверную причину, ведь кто бы поверил в его этот рассказ)

Желания смотреть в окно, и думать о дальнейшем не было ни у кого.

– Ма, – раздался голос рядом с Таней. От неожиданности, она чуть вздрогнула и повернулась на голос. «Блеск, я совсем забыла про Дашу», подумала она. – Ма я боюсь. – Тихо произнесла Даша.

– Ну, что ты, не бойся, дай мне свою руку, – попросила Таня у дочки, и ласково взяв Дашину руку в свою стала нежно ее гладить. – Вот видишь, я с тобой. Я всегда буду защищать тебя от всех, кто попытается причинить тебе боль.

– Ма, знаешь?

– Что?

– А я уже не боюсь, ведь ты у меня самая сильная и самая лучшая, – ответила Даша, при этом она чувствовала, как сильно дрожит мамина рука.

– Ну, вот и хорошо, – Таня свободной рукой погладила Дашу по голове. – Ты у меня тоже лучше всех.

Через несколько минут автобус неожиданно резко остановился и его дверь, бывшая до этого наглухо закрыта, открылась.

– Ну, вот и приехали – вымолвили Даша. – Что будем делать дальше? – спросила она у мамы.

Таня посмотрела за окно, пытаясь понять, почему остановился автобус, и куда они все-таки приехали. Но за окном по-прежнему оставался только темный заснеженный лес, над которым светила луна.

– Не знаю, – тихо прошептала она так, чтобы дочка ее не услышала и уже громко добавила. – Сейчас придумаем. У вас есть какие-то идеи на этот счет? – обратилась она к сидящим рядом с ней Макс и Сергею, которые растерянно смотрели на нее.

– У меня нет, – честно ответил Сергей.

– А у меня есть, – сказал подошедший к ним Ник. – Кто-нибудь должен пойти на разведку.

– Но он же может заблудиться в этом странном лесу, – произнес Сергей. – И что тогда с ним будет? Ты об этом подумал?

– Да, – ответил Ник. – Он должен будет отойти на такое расстояние, чтобы продолжать видеть автобус. Я, конечно, понимаю, что в лесу да еще ночью он отойдет недалеко. Потом на этом расстоянии он обойдет вокруг автобуса, и осмотрит все вокруг. Я догадываюсь, что это немного, но в тоже время это же лучше чем вообще ничего. Ну, так кто за мое предложение?

Возражений ни у кого не было.

– Но остается только выяснить, кто пойдет? – спросил Ник.

– Ты не будешь возражать, если мы с тобой пойдем вдвоем? – обратился Макс к Сергею.

– Ты, пожалуй, прав, вдвоем все-таки не так страшно и безопасней, – согласился с ним Сергей. – Да и не пошлем же мы на разведку Таню с ее дочкой. Да и Ник пусть останется здесь со своей Джульеттой.

– Почему Джульеттой? – удивленно спросил у него Ник.

– Не знаю, нам ум что-то пришло, – улыбаясь, ответил Сергей. Потом, встав с кресла, он достал из кармана коричневой кожаной куртки шапку и надел ее, так что часть длинных волос осталась снаружи, после чего из другого кармана он достал черные перчатки.

– Ну что пожелайте нам удачи и держите за нас кулачки, – попросил он и вышел из автобуса. Макс, одетый в черную куртку и черную кожаную бейсболку вышел следом за ним.

Даша, повернувшись к окну, начала наблюдать за ними. Она видела, как они медленно, их ноги то и дело проваливались в снег, отошли от автобуса на приличное расстояние, превратившись практически в две маленькие точки. После чего они начали обходить вокруг автобуса. (Пока Даша могла видеть их перемещение она сидела, смотря в окно, но как только они вышли за поле ее зрения, она стала перемещаться по автобусу, переходя сначала от своего окна к заднему, потом к противоположному боковому). Неожиданно она заметила, как две точки резко остановились. Постояли несколько минут на одном месте, а затем начали быстро вырастать, превращаясь обратно в Сергея и Макса, которые со всех ног торопились к автобусу.

Первым ворвавшись в автобус, Макс несколько секунд простоял согнувшись, пытаясь отдышаться, после чего обратился к присутствующим.

– Мы нашли в той стороне, – он рукой показал в сторону, откуда только что пришел. – Там какие-то странные постройки.

– В чем их странность? – спросил Ник, сидевший рядом со Светой.

– В том, что мы с Сергеем не знаем, что это за здания. Они не похожи на дома, в которых живут люди, да и на развалины они как-то тоже не похожи, – ответил Макс.

– А поподробней ты можешь сказать, как они выглядят? – попросила уточнить его Света. Макс задумался.

– Они нам показались какими-то большими и круглыми, – ответил Макс.

– Так, что будем делать дальше? – отдышавшись снаружи, и войдя в автобус, спросил Сергей.

Таня подошла к двери, вышла наружу, постояла там несколько минут, смотря на простирающийся перед ней лес и войдя обратно в автобус, ответила:

– Я скажу вам так. Мы должны идти в сторону этих построек, какими бы они странными не были. Остаться здесь не имеет никакого смысла, – подойдя к стоящей в проходе Даше, она встала на правое колено и начала поправлять синюю, курточку, в которую Даша была одета. – Хотя, – она обвела всех взглядом. – Кто хочет, может оставаться, – потом, достав из своей сумочки, шапочку, она надела ее на Дашу. – Ну, ты как, нормально? – спросила она у дочери, глядя в ее зеленые глазки.

– Да, ма, все нормально, – ответила Даша, и подмигнула ей. – Все будет хорошо.

Таня встала с колен, поправила свою белую курточку и надела на руки перчатки.

– Ну что кто-нибудь остается или мы идем все? – спросила она.

Остаться не захотел никто.

И уже через несколько минут они все вместе стояли на снегу, около автобуса. Две девушки, три парня и одна девочка. Они стояли все в одну колонну, готовясь к чему-то неизвестному, и даже может быть страшному, что ждало их впереди. Даша посмотрела на небо.

– Хорошо, что хоть не идет снег, – сказала она.

И они пошли вперед. Макс шел впереди, за ним шла Света с Ником, затем Таня с Дашей. Таня держала Дашу за руку. Замыкал шествие Сергей.

И только лишь Лунатари освещала их путь.

Когда Джон пришел домой после еже утренней пробежки, Элжен уже проснулась, встала с постели и готовила завтрак, разбив на сковородку с десяток яиц и покрошив на нее несколько помидоров.

Элжен по утрам всегда бегала с Джоном, поддерживая свою и так практически идеальную форму. Но так как сейчас они были в отпуске, после выполнения опасного и засекреченного

задания по ликвидации банды Пирионитов терроризировавших Воронеж, небольшой провинциальный городок в России. (Правда, других-то заданий у них и не было, организация всегда отдавала все самые сложные задания их двойке, которая иногда, правда, трансформировалась в тройку или четверку, когда они подключали к выполнению заданий Крока иногда вместе с его напарником молодым толковым парнем). (Пириониты – космические пираты, нападающие на мало развитые планеты, после быстрых атак они покидали планету с награбленным). Она решила на время прекратить пробежки и расслабиться, ведь выходных дней у них было не так уж и много.

Не снимая с шеи полотенца, Джон сразу же прошел на кухню, и, подойдя к Элжен, которая стояла около плиты, обнял ее.

– Фу, потный какой, – в шутку сморщила носик Элжен. – Иди, прими душ. Видишь, еда уже практически готова.

Джон повернул Элжен к себе, и их губы встретились в страстном поцелуе, а пальцы рук сплелись в замок.

– Знаешь, мне какой-то странный сон сегодня приснился, – сказал Джон, отстранившись через несколько минут от губ Элжен. – Странный...

– Ладно, все потом. – Элжен с наигранной строгостью посмотрела на Джона. – Ты еще не под душем? Я сейчас возьму ремень и сама погоню тебя туда.

Отвернувшись от Элжен, Джон с опущенной головой поплелся в душ, и уже на пороге кухни он снова обернулся к ней.

– Может, вместе пойдем. А то мне одному страшно. А? – с улыбкой попросил он.

– Не сейчас, дитяtko мое, – улыбнулась Элжен.

– Жаль, – вздохнул он и поплелся дальше.

Когда минут через десять Джон, искупавшись и побрившись, снова вошел на кухню, его уже ждала целая тарелка яичницы и горячий чай.

– Еда подана, сэр, – сидя на стуле, около стола, Элжен слегка поклонилась ему, указывая рукой на стоящие на столе тарелки.

– Ну, что теперь можно и поесть, госпожа – ответил он, садясь на стул и пододвигая к себе тарелку.

– Так, что ты там говорил, про свой сон? – спросила у него Элжен, когда, поев, уже пила ароматный горячий кофе, в то время как Джон пил свой любимый чай с долькой лимона.

– Представляешь, – откинувшись на спинку стула, начал Джон. – Во сне я видел какую-то странную пластинку. Нет, вернее сначала я был поглощен очень плотным туманом, потом из этого тумана выплыла эта пластинка, а потом раздался голос.

– Что за голос? – спросила Элжен, с интересом смотря на Джона.

– Не знаю. Какой-то странный громкий голос, словно исходящий из тумана, – ответил Джон. – Он мне сказал, что я должен найти эту пластинку.

– А зачем?

– Он не ответил мне этого.

– А ты помнишь, как выглядела эта пластина?

– Вот в этом и заключается главная странность этого сна, я помню ее до малейших черт, – Джон поднялся со стула, вышел из кухни и вскоре вернулся, неся в руках тетрадку и карандаш. Сев за стол, он нарисовал пластину и более менее похоже, вывел на ней виденные им царапины. – Вот, – он протянул тетрадку Элжен.

– На пластине точно были эти царапины? – переспросила она, рассматривая рисунок.

– По крайней мере, как я ее помню, и как смог нарисовать, – ответил он. – Я же не Малевич, да и вообще не художник.

– Все это очень странно, – пробормотала Элжен, пристальнее вглядываясь в рисунок. После чего, отложив тетрадку, она молча стала рассматривать Джона. – Странно это все как-то, – опять пробормотала она.

– Ты, узнала эту пластинку? – Джон взял руки Элжен в свои. Ее руки слегка, практически не заметно, тряслись. Он вгляделся в ее глаза, но то, что он увидел в них, поразило его. Они выражали беспокойство, смятение и страх, скорее всего, за него.

– Знаешь, на каком языке написано на этой пластине? – спросила она, сдавленным голосом. – Это язык волоков.

Элжен замолчала, а дрожь в ее руках усилилась, делаясь уже отчетливо заметной.

– Волоки? А кто, такие эти волоки? – настало время удивляться Джону, за год их знакомства, он еще ни разу не видел Элжен такой испуганной и растерянной.

Элжен встала со стула, открыла бар, и налив себе полный стакан коньяка быстро выпила его, только слегка поморщившись. (Это с учетом того, что за прошедший год она вообще ничего не пила, даже пива или сухого вина.). Сев обратно на стул она стала отвечать на вопрос Джона.

– То, что я расскажу тебе, будет для тебя странным, и ты в это можешь не захотеть поверить, но это так, – она накрыла лежащие на столе руки Джона, своими трясущимися руками. – Волоки это первые жители Земли. Они жили здесь, еще до того как ваш бог создал вас.

– Но почему об этом никому не известно? – удивился Джон.

– Не перебивай меня, ты видишь мне и так трудно говорить, – укорив Джона, продолжила Элжен. – Создавая вас, глава расы создателей Приол создал звезду, которую вы называете Солнцем, вернее она уже была и до того, но он каким-то способом активизировал ее. И она из холодной и ледяной превратилась в огненную и горячую. И так как до этого волоки жили постоянно в крошечной темноте, солнечный свет стал губительным для них. И они стали гибнуть. Они погибли практически все, но части из них, возможно, удалось избежать смерти. Они исчезли с планеты. Но куда? Об этом я не знаем. Но за то мне известно, что в это же время несколько представителей той же расы, что и Приол, восстали против него, но они были повержены и убиты. Удалось спастись только одному из них – Хороллу, но и он стал изгоем для своей расы. Но замешан ли хоть как-то Хоролл в исчезновении волоков или нет, я не знаю.

– Но нашего бога зовут ни Приол.

– А бога вообще-то нет.

– Как? – удивился Джон. – Ты только что сказала ваш бог? – Джон сделал ударение на слове ваш.

– Понимаешь, – начала объяснять Элжен. – Все на самом деле куда более глубже и непонятней, чем принято считать у вас людей. На самом деле создавший вас Приол не является богом, он просто, как я уже сказала ранее, принадлежит к расе создателей. Расе умеющей создавать жизнь.

– По своему образу и подобию?

– Нет. Точнее не знаю. У них столько разных лиц и масок, что никто кроме них самих не знает, как они выглядят на самом деле.

– А как они создают жизнь?

– Не знаю. Этого тоже никто не знает, кроме них.

– Но ведь люди тоже умеют создавать жизнь, рожая детей, сажая растения?

– Хм, – ухмыльнулась Элжен. – Вы не умеете создавать жизнь. Вы только можете, переводите одну форму жизни в другую. Растения вырастают из семечки, человек рождается из семени.

– Значит, так обстоят дела, а я то думал, что мы своего рода творцы.

– Нет, так многие думают, но все они ошибаются.

– Ну ладно, если ты знаешь так много, то ответь мне на вопрос, который мучает человечество множество веков. Что происходит с нами после жизни? У нас есть душа?

– Этого никто не знает. Никто не знает, что происходит с нами после жизни. Чтобы узнать это нужно сначала умереть.

После этого ответа в воздухе повисло молчание, которое через несколько минут разбил Джон.

– Хорошо, Вернемся к пластинке, что конкретно написано на ней?

– Не знаю? Я не понимаю язык волоков, да и вообще я не уверена, что остался хотя бы кто-то могущий его расшифровать.

– Но, что тогда тебя так испугала в ней? – снова удивился Джон.

– То, что написано на ней не важно. То место где ее можно найти также не важно, – она немного помолчала, словно вспоминая что-то. – Тем более я наверняка знаю, где она. Сон! Твой сон! Вот это страшно, – она встала со стула и стала ходить по кухне. – Значит, она кому-то понадобилась. А нужна она только либо Хороллу, либо Приолу только они могли быть хоть как-то связаны с Волоками. Значит, затевается что-то очень серьезное. Что-то такое, что вполне может перевернуть устоявшиеся в мире дела, и вывернуть его наизнанку, если вообще не уничтожить его.

Она остановилась около Джона.

– Боюсь, отпуск отменяется. Я должна лететь на Альтрастан и встретиться там с императором и советом старейшин.

– Я с тобой, – Джон встал со стула.

– Нет, – она надавила ему на плечи, заставляя сесть обратно. – Ты должен лететь в Лондон, где в недавно открытом музее Египта и хранится эта пластина, так как нашли ее именно там. Да позвони Кроку, он сможет тебе помочь. И больше пока никому, – она обняла и поцеловала его. – Ты все понял, мой дорогой?

Джон в ответ только кивнул головой.

Юрий Владимирович Бородин, министр обороны Российской Федерации, довольно-таки полный и маленький мужчина, которому давно уже перевалило за пятьдесят, и который последним своим волосам помахал ручкой еще несколько лет назад, спал в своей кровати, когда раздался звонок.

Дз-и-и-нь

Не открывая глаз, он рукой инстинктивно потянулся к тумбочке, стоявшей рядом с его кроватью, пытаясь выключить будильник. Но ничего не найдя там, он вспомнил, что сегодня вроде бы ему спешить некуда. И повернувшись на другой бок, он поправил подушку и снова попытался заснуть.

Дз-и-и-нь

Повторился звонок.

– Что за ерунда? – пробормотал он, наконец-то поняв, что это был звук его дверного звонка. И приподнявшись на локтях, он посмотрел в окно, за которым начинало только светать. – Странно, – подумал он. И начал вспоминать, кто же к нему может сегодня прийти, особенно так рано, и через несколько секунд решив, что вроде бы никому он махнул рукой. – Наверное, снится, – и попытался снова заснуть.

Дз-и-и-и-нь

Еще громче и продолжительней раздался дверной звонок.

– Все, меня достали, – проворчал он. – Пойду и разберусь с навязчивыми гостями, как их только пропустил консьерж, я ж вчера его предупредил, что меня не для кого нет дома, –

с этими словами он встал с кровати, надел на ноги тапочки, которые несколько лет назад ему на день рождения подарила его младшенькая дочка, учившаяся сейчас в Англии. И протирая заплавленные спросонья глаза, пошел открывать дверь.

Дз-и-и-и-и-нь

Еще раз позвонили в дверь, когда он уже заканчивал открывать замок.

– Вы что не можете подождать несколько секунд?! – прокричал он, открывая дверь.

На пороге стоял молодой высокий мужчина лет тридцати, одетый в коричневую дубленку и черную кожаную бейсболку.

– Ты кто? – удивился Бородин, так как он абсолютно не знал стоящего перед ним парня.

– Вы, Юрий Владимирович Бородин? – спросил гость и, не смотря на возражение хозяина, прошел в квартиру.

– Да, – пятившись, ответил Бородин, удивляясь наглости гостя. – А ты кто?

– Зовите меня Эндрю, – ответил гость, снимая бейсболку. – Почему вы не пригласите меня войти?

– А что, надо? – удивился Бородин. – И тем более ты и так уже вошел, и если ты не скажешь, что тебе от меня нужно в течение одной минуты, то я буду вынужден вызвать охрану, которая вас не только вышвырнет на улицу, но и объяснит, что не хорошо будить пожилых людей по утрам.

Он подошел к стоящему возле входной двери столику, на котором стоял телефон, и, сняв трубку, начал набирать номер. Гость продолжал молча стоять возле двери, теребя в руках бейсболку.

– Ну, я жду, – сказал Бородин, набирая последнюю цифру телефонного номера.

– Я по поводу вашей внучки Леси Ахатовой, – сказал Эндрю.

– Юрий Владимирович, что-нибудь случилось? – раздался голос из телефонной трубки, которую Бородин продолжал держать в руках.

– Погоди, – ответил в нее Бородин и опустил ее в низ. – Так что ты о ней знаешь? – спросил он уже у гостя.

– Положите трубку, и пойдете, поговорим в комнату? – предложил гость.

– Ну, хорошо, – согласился Бородин. И сказав в трубку, что все нормально положил ее на место.

После чего он помог гостю раздеться, и они прошли в гостиную.

Это была довольно таки большая и просторная комната, в которой Бородин любил встречать гостей, хотя их в последнее время было не так уж много. Это раньше чуть ли ни каждый день у него были дружеские посиделки, часто продолжавшиеся до утра. Раньше... Еще до той трагически нелепой авиакатастрофы, которая унесла жизнь Людмилы, его жена. А сейчас... сейчас гостей было не так уж и много, а если честно то почти никого, да он и сам не хотел, чтобы к нему сюда приходили. (К старости он полюбил тишину и покой.). Он по-настоящему был рад только своей старшей дочке и ее девочке его внучке, которые иногда по выходным баловали его своим приходом. Он очень любил играть с внучкой, которой недавно исполнилось только пять лет. Да еще был рад младшенькой дочке, которая сейчас училась в Англии на модельера и иногда приезжала на каникулы. Мебель в комнате была современная, и очень удобная, сделанная по его заказу (мода на антикварные вещи прошла как-то мимо него стороной).

После того как они сели на кресла стоящие около журнального столика, Бородин спросил у своего посетителя:

– Что ты знаешь о Лесе?

– Можно для начала принести мне воду с сахаром, а то путь к вам оказался очень долгим и мне надо промочить горло, – попросил Эндрю. – А потом мы продолжим разговор.

– Воду с сахаром, – удивился Бородин странной просьбе гостя. – А тебе воду с сахаром отдельно или вместе?

– Налейте стакан воды, насыпьте туда четыре чайных ложки сахара, и размешайте, – уточнил Эндрю.

– Хорошо, сейчас принесу.

Бородин вышел из комнаты и через несколько минут вернулся, неся стакан сладкой воды.

Эндрю с жадностью выхватил стакан у него из рук, и одним глотком осушил его до дна, после чего передал стакан обратно Бородину, а тот поставил его на журнальный столик.

– Спасибо, вы сделали все, как нужно, – поблагодарил Эндрю Бородина.

– И так продолжим наш разговор, – Бородин сел на кресло. – Что ты хочешь сказать мне о моей внучке?

– Вы, скорее всего, еще не знаете, но ваши дочка и внучка попали вчера поздно вечером в автокатастрофу.

– Как... – лицо Бородина побледнело, он подошел к шкафу. Взял оттуда пачку сигарет, хотя вот уже как два месяца бросил курить, и держал эту пачку, так, по привычке. Трясущимися руками достал сигарету и закурил. – Что? Что случилось? – сдавленным голосом спросил он, садясь на кресло.

– Вчера около двенадцати часов вечера их машину нашли разбитой. Пока не известно, по какой причине, но Маша не справилась с управлением. Их машину развернуло, и они врезались в дерево. И так как основной удар пришелся на переднее место соседнее с водительским, то ваша дочь отделалась легко, ей наложили на голову несколько швов, и через несколько дней выпишут домой. А вот Леся, которая сидела на переднем сидении рядом с мамой, находится при смерти, и если честно, то хотя врачи и делают все от них возможное и даже больше, но они уже не верят в то, что ее можно спасти.

– Как? – сигарета выпала изо рта Бородина, но он этого не заметил. Он сидел на кресле, уставившись куда-то в бесконечность, и по щекам его текли слезы.

Эндрю поднял с пола выпавшую сигарету, которая прожгла дырку в персидском ковре. Потушив ее двумя пальцами, он положил окурки в стоящий рядом стакан. И молча просидел несколько минут, наблюдая за убитым горем пожилым мужчиной, министром обороны, сверхволевым человеком, который не мог сдерживать слез при постороннем. Потом, сходя на кухню, принес стакан холодной воды, и протянул его Бородину. Юрий Владимирович вытирая рукой, мокрые от слез глаза посмотрел на Эндрю. Взял у него стакан и мелкими глоточками выпил его.

– Юрий Владимирович, мы можем вам предложить помощь, – сказал Эндрю, забирая у Бородина стакан и ставя его на стол. После чего он сел обратно на кресло.

– Не мучайте меня, чем вы можете мне помочь... – сдавленным голосом произнес Бородин. Он ничего не спрашивал, он просто хотел, чтобы его гость ушел и оставил бы его в покое. (А лучше бы никогда и не приходил бы, и не приносил бы с собой этих страшных известий).

– Врачи, да, они не могут, но мы. Мы можем спасти вашу внучку.

– Да, но как? – в голосе Бородина появилась надежда, он хотел ухватиться за тоненькую нить, которую ему предоставляла, наверное, сама судьба.

– Это не важно как. Главное мы можем ее спасти. Но вы будете должны отплатить нам услугой за услугу.

– Но кто это вы?

– Я думаю, сейчас вас это должно меньше всего волновать.

– Действительно, – вздохнул Бородин. – Что я вам буду должен: денег, продвинуть кого-нибудь по службе?

– Вы готовы ради своей внучки сделать все? – спросил Эндрю, внимательно смотря на Бородина.

– Знаешь... – ответил Бородин. – Раньше бы, еще каких-то несколько лет назад я бы ответил, что нет. Но, теперь... наверное, что-то изменилось во мне после смерти Людочки... – он на несколько секунд задумался, прикусив нижнюю губу – Да я готов на все.

– Хорошо, я так и думал, я сейчас уйду и завтра, когда вы убедитесь, что с вашей внучкой все будет в порядке, мы позвоним вам.

С этими словами Эндрю поднялся с кресла. И когда он уже уходил, надевая дубленку, он сказал Бородину:

– Не пытайтесь поменять свое решение. Ведь также легко как ваша внучка пойдет на поправку, также легко она может после этого умереть.

Сегодня в Лиллехаммере не было снега, вернее он был, но он не падал с неба, а белой шапкой укрывал землю. Еще вчера вечером здесь бушевала страшная метель, которая продолжалась вот уже несколько дней, практически с самого прибытия сюда Крока. И все это время он злым духом бродил по коридорам гостиницы, возмущался, кричал на всех, сетовал на свою горькую судьбу: мол, выбрал себе несколько дней на отдых, приехал покататься на лыжах, а что взамен этого? Сiju как идиот в этой проклятой гостинице, даже носа из нее не высунешь.

А сегодня ночью метель прекратилась. Появилось слегка играющее своими лучами на снегу зимнее солнце. Температура поднялась и достигала сейчас минуса пяти градусов, ветра не было вовсе, то есть установилась самая идеальная погода для спуска на горных лыжах. И Крок с самого утра, словно молодой юнец на свидание, убежал на гору.

И вот когда он в очередной раз поднялся на фуникулере на вершину горы, к нему подошел молодой человек, одетый в форму служащего отеля, в котором он остановился.

– Господин Крок, – позвал его юноша, и когда Крок подошел к нему, юноша продолжил. – Вам звонили и просили перезвонить.

– Я же предупредил, что меня в вашем отеле ни для кого нет. Я отдыхаю! – негодуя оттого, что его отвлекают от долгожданного отдыха, сказал Крок.

– Я все понимаю, но звонивший представился Джоном и добавил, что это очень, очень важно, – извинился перед ним юноша.

– Он что-нибудь передавал? – Крок знал, что на отдыхе Джон его просто так беспокоить не будет, и случилось что-то действительно серьезное.

– Да, – ответил юноша, теребя верхнюю пуговицу на куртке, на спине которой было написано название отеля, в котором он работал. – Он просил, чтобы вы позвонили ему домой во Францию. Причем, чем быстрее, тем лучше.

– Ладно, – Крок тяжело вдохнул. – Пошли.

Взяв лыжи в руки, он прошел в отель, который располагался недалеко от вершины горы. Войдя в него, он подошел к телефону и, взяв трубку, набрал номер Джона. После трех гудков с той стороны кто-то поднял трубку.

– Алло, – донесся из нее голос, который, как он без труда определил, принадлежал Джону.

– Ну что тебе надо? – с негодованием спросил Крок у Джона. – Зачем ты отвлекаешь меня, от раслобона?

– Прости, я понимаю тебя. Наконец-то после долгого перерыва, можно расслабиться, спокойно покататься на лыжах, ни о чем не думая. А здесь я, – ответил ему Джон. – Еще раз прости, но ты мне нужен.

– Я всегда всем нужен, – Крок глубоко вздохнул. – А тебе то зачем?

– Ты должен быть уже следующим утром в Лондоне.

– Издеваешься, да?

– Нет. Возможно, это самое главное дело, с которым мы когда-либо сталкивались, – деловым тоном ответил Джон.

– А возможно? – переспросил Крок.

– А возможно это все просто бред, за которым ничего не стоит, – ответил Джон.

– Нет, ты точно издеваешься над старым больным человеком, который за долгое время первый раз решил отдохнуть.

– Ты прилетишь? – прервал Джон, стенания Крока.

– Прилечу? – задумался он. – А у меня есть выбор? Ведь если для тебя это так важно, то, конечно же, прилечу. Только ответь мне: это обязательно нужно сделать завтра, это не может подождать еще несколько дней, пока я хоть немного наслажусь отдыхом?

– Не знаю. Если все так, как мне рассказала Элжен, то это не будет ждать ни дня, ни даже мгновения.

– Да кстати, как там она? Она то тебя отпустит в Лондон, а то сам зовешь, и сам же не прилетишь?

– Она из-за этого дела улетела домой.

– Куда? – переспросил Крок.

– Ты все правильно понял, она улетела на Альтрастан.

– Ух, ты! Ничего себе! С этого и нужно было начинать! А то, возможно, это бред, возможно за этим ничего не стоит. Ничего себе бред, если она улетела на Альтрастан! – поразился Крок. Это было действительно нечто из ряда вон выходящее. Если Элжен улетела туда, откуда однажды была изгнана, то есть к себе домой, а Джон ее туда одну отпустил, то это действительно должно быть сверхсерьезным. И ему не оставалось ничего другого, как забыть обо всем на свете, и мчаться в Лондон. – Жди первым же рейсом!

– Первым же не надо. Я пока сам еще во Франции.

– Ну, тогда до утра.

Крок положил трубку. Простояв несколько минут рассматривая телефон, как не известное природное явление, он, попросив портье заказать ему билет на первый же утренний рейс до Лондона, пошел в свой номер собирать вещи.

Сойдя с дороги, они углубились в лес и, дойдя до того места, откуда стали видны строения, о которых рассказывал Макс, Таня остановилась.

– Что с тобой? – поравнявшись с ней, спросил у нее Сергей.

– Интересно, что это действительно такое? – спросила Таня, задумчиво разглядывая видневшиеся вдалеке странные строения, казавшиеся неестественно круглыми.

– Мама, – Даша слегка дернула Таню за рукав ее белой куртки. Но Таня не обратила на нее никакого внимания, продолжая дальше рассматривать виднеющиеся постройки.

Даша стала настойчивее дергать маму за рукав, чуть не отрывая его.

– Мама, что с тобой?! Мама?!

– Да? Что? – выйдя из оцепенения, Таня посмотрела на Дашу, которая с каким-то растерянным видом теребила ее куртку.

– Мама, посмотри сюда, что это? – Даша рукой показала куда-то в глубь леса.

– Где? Что ты видишь Дашенька? – не поняла Таня, смотря в ту же сторону, что и Даша, и не видя там ничего кроме снега и деревьев.

– Вот. Посмотри сюда, – Даша продолжала показывать куда-то рукой. Приглядевшись, Таня увидела, куда указывала Даша. Она показывала на цепочку следов на снегу.

– Чьи-то следы, – спокойно ответила Таня, не понимая, чем эти следы, оставленные явно каким-то животным могли так удивить Дашу, которая уже второй год училась в биологическом классе.

– Я понимаю недоумение вашей дочери, я и сам признаюсь, удивлен, – сказал подошедший к ним Макс. Затем, подойдя поближе к следам, он присел около них на корточки, пытаясь получше их разглядеть. Просидев так несколько минут, он вернулся к ним и задумчиво произнес. – Я учусь на биологическом факультете уже третий год, а изучаю различных животных и того больше что-то около десяти лет, но еще ни разу в жизни я не видел таких следов.

– Да. Странно, – многозначительно прокомментировал подошедший к ним Ник, смотря на следы и внимательно слушая Макса. – Чудеса продолжаются.

– И что будем делать дальше? – спросил у всех Макс.

– А разве это хоть что-то меняет? – спросила у него Таня.

– Думаю, что нет. Мы должны делать, то, что делали и раньше, то есть мы должны идти в сторону строений, – ответил Сергей. – Не оставаться же здесь.

Их путь продолжился дальше. И хотя не осознано, и каждый был готов поклясться, что эти следы несколько его лично не испугали, но шаги их стали более медленными и осторожными. И даже Даша, до этого вечно вертевшаяся по сторонам в поисках чего-нибудь интересного и необычного, после первой своей находки, взяв Маму за руку, шла тихо и спокойно.

И когда они уже были очень близко к странным строениям, с неба исчезла луна. Нет, точнее, не исчезла, а, скорее всего, просто зашла за горизонт, но ожидаемой смены ее на солнце не произошло. На небе не было солнца. Оно осталось полностью пустым. Не осталось ни единого источника света. Их маленькая группка оказалась в крошечной темноте.

Как только они оказались в темноте, Таня услышала встревоженный голос Макса шедшего впереди нее.

– Вы здесь?! – звал он. – Сергей?! Таня?! Ник?! Я ничего не понимаю, что случилось? Я, кажется, ослеп.

– Я позади вас. И я, кажется, тоже ослеп, – раздался голос Сергея позади Тани.

– Мы со Светой немного впереди, и я также ничего не вижу, – следом ответил Ник.

– И я тут, – ответила Таня, сжав Дашину руку еще сильнее, словно боясь потерять ее в этой неожиданно наступившей темноте. – Дашенька, ты нормально? – спросила она у нее.

– Да, ма, все в порядке, только мне немного страшно, – ответила Даша.

– Это нормально, – ободряюще и одновременно тихо, так что бы никто кроме Даши ее не услышал, сказала Таня. – Мне тоже не много страшновато, но самое главное надеяться на лучшее.

– Хорошо, Ма, – ответила Даша и в ответную сжала мамину руку.

– Я, кажется, поняла, что происходит, – продолжила Таня, но уже так громко, что бы ее все слышали. – Мне кажется, в этом месте существует только одно светило. Оно зашло за горизонт и на небе ничего не появилось взамен ему.

– Да, знаешь, по-моему, ты права, – ответила Света. – Я только сейчас поняла одну вещь. Я смотрела на небо, и оно казалось мне странным и необычным. Но в чем заключалась эта странность, я поняла только сейчас.

– И в чем же? – спросил у нее Сергей.

– Если как мы предполагали, мы попали сюда ночью, то где тогда были звезды? – ответила Света. – На небе была только лишь одна луна.

Темнота и тишина были зловещи, и только мамина рука слегка успокаивала Дашу. Через несколько минут, которые ей показались целой вечностью ей уже начало казаться, что в целом мире нет ничего другого, кроме этой темноты. И те воспоминания, которые посещали ее, о том, что с ней происходило до поглотившей их темноты, были ничем иным как просто плодом

ее воображения. Но через несколько минут царившую тишину, которая сильно пугала Дашу, нарушил донесшейся из темноты, позади нее, голос Сергея.

– Что будем делать дальше? – спросил он.

«Который раз за последнее время задается этот вопрос, – подумала Даша, и легкая улыбка посетила ее лицо. Она сама себе напоминала новорожденного маленького слепого котенка, который по какой-то причине отбежал от матери и теперь никак не может сориентироваться в окружающем его темном мире и мечется по сторонам в поисках чего-то»

Вот только, что искали они?

Даша не могла даже предположить ответ на этот вопрос.

– Знаете, – ответила она. – Любой человек, попавший в темноту, сначала ничего не может различить в ней, но потом через некоторое время он начинает различать контуры вещей. Да, действительно, он не может различить их цвет. Все цвета для него сливаются в диапазон от черного до серого. Но не очертания. Очертания предметов он может различать, а этого нам, по моему, сейчас будет вполне достаточно. И, следовательно, я предлагаю, остаться здесь на некоторое время, и подождать.

И хотя никто не поверил Даше, но все из солидарности с ней остались стоять на снегу, ждать и вглядываться в темноту. И о чудо, через некоторое время они смогли смутно видеть своих спутников и самих себя. А значит, предложение Даши, которое казалось полностью абсурдным и неверным, срабатывало. И еще через какое-то время они уже смогли разглядеть черты лиц своих спутников.

– Дашенька, ты оказалась права, – сказала Света. – Ты умная девочка.

– Я знаю, – прошептала Даша, немного покраснев.

– Идемте дальше, – предложила Света.

И все с ней согласились.

– Ма, мне показалось, что прошла целая вечность, – идя по снегу, начала Даша разговор с мамой, потом шепотом добавила. – Как странно здесь звучит это слово – вечность, – потом уже нормальным голосом продолжила. – Мне показалось, что кроме тебя, твоей руки, которая держала мою, и голосов наших спутников, которые я слышала, в целом мире больше ничего не существует.

– Да, – Таня качнула головой. – Теперь веди себя тихо, – добавила она. – Мы уже подходим к этим круглым домам.

«Странно нигде раньше я не видела, круглые дома. Нет, вернее, иногда я видела круглые дома, но что бы такие высокие, нет, не что-нибудь наподобие иглу, а большие, в несколько метров, а некоторые из них даже доходили и до несколько десятков метров в высоту, никогда. Да и материал, из которого они были сделаны, я также никогда раньше не видела, он похож и на песок, и на железо, и на камень одновременно» – пронеслись мысли в ее голове.

Не дойдя буквально несколько сот метров до конца леса, они остановились.

– Я предлагаю опять послать, кого-нибудь на разведку, – предложил Макс. – На сей раз, я предлагаю послать Ника.

– Хорошенькое дело, я что левый, что ли идти в этот город, – начал возражать Ник, но Света спокойно подошла к нему, обняла его за шею и поцеловала. После чего, отстранившись от его губ, она сказала ему:

– не возражай. Я пойду с тобой. А мужчины пускай останутся здесь и подождут нас. Они уже ходили на разведку, теперь наша очередь. Да и к тому же кто-то же должен присмотреть за Таней и Дашей.

– Ну, ладно, – Ник недовольно посмотрел на Макса. – Пошли с тобой, Свет, на разведку.

В ту же ночь, сразу же после посещения его Хороллом, Верховный жрец назначил встречу своему лучшему агенту, которого звали Следопыт. Это был довольно-таки низкий Волок с довольно-таки заостренным лицом, узкими, словно две ниточки губами и длинной шеей. Одним из его главных достоинств было бесшумное, словно у лисола перемещение. (Лисол – маленькое, длинное хищное животное, с рыжим окрасом, с четырьмя лапами, с длинным хвостом и приплюснутой рожницей.). О том, что он иногда выполнял задания Жреца, не знал никто, кроме них двоих. Встречи же ему Жрец назначал с помощью птичьей почты, он привязывал к лапке лобля записку с местом и временем встречи, и мог больше ни о чем не беспокоиться, как бы срочно не была бы назначена встреча, но Следопыт всегда приходил на нее. (Лобль – маленькая юркая птичка, с черным опереньем).

Их встречи всегда проходили в какой-нибудь неприметной маленькой таверне, где собирались низшие слои общества. Вот и для этой встречи Жрецом была выбрана грязная вонючая, таверна на окраине рабочего квартала.

В зале народу было немного. Из восьми столиков стоящих в таверне, свободно было пять. За одним из столиков сидели шесть Волоков, которых по их внешнему виду можно было отнести к простым рабочим, строящим и обслуживающим дома. Они пили крепкий напиток довод и о чем-то бурно разговаривали между собой, абсолютно не обращая никакого внимания на окружающих. За другим столом сидел бродяга, одетый с головою в довольно-таки уже истрепанный темно-зеленый балахон, и хлебающий жутко пахнущую похлебку. В Вечности бродяги были всегда. Их не становилось с течением времени ни больше, ни меньше, их было практически всегда одинаковое количество, по крайней мере, так казалось со стороны. И это количество было такое, что можно было смело закрывать глаза на их существование. Обычно бродягами становились те волокы, которые не хотели продолжать ремесло своих предков. Их изгоняли из дома, и они слонялись по тьме, питаясь тем, что подвернется под руку. Обычно они держались обособленно, стараясь не попадаться никому на глаза. За третьим столиком сидело двое бродяг. Это, конечно, было немного странновато, но ничего особенного в этом не было. Иногда бродяги все-таки встречались друг с другом.

Этими бродягами и были Жрец со Следопытом. Следопыт был одет в темно-синий балахон, а Жрец в черный, капюшон которого постоянно норовил соскользнуть с головы и обнажить лицо. Он очень боялся этого, ведь если тот все-таки это сделает, то выдаст его присутствие здесь. Пойдут всевозможные слухи, а Жрецу этого сейчас было абсолютно не нужно.

Перед ними стояли чашки с похлебкой, к которым они даже и не притрагивались. Ведь только от одного их запаха Жреца уже мутило.

– Следопыт я позвал тебя сюда, чтобы дать тебе задание. Я узнал, что Военный советник переместил с Земли автобус с людьми, так вот ты должен будешь найти его этой же ночью.

Жрец прекрасно знал, что Следопыт знает, что такое автобус, так как он не раз уже был на Земле по различным поручениям Жреца, хотя кроме них двоих об этом знал только Хоролл, который и перемещал его туда.

– Но, как? – удивился Следопыт. – Как я это сделаю?

– Если бы я знал это, то не позвал бы тебя. Мне известно только то, что он находится в лесу, около Волокдарма. Если ты найдешь его раньше Советника, то должен будешь дождаться его, и следовать за ним по пятам, одновременно докладывая мне обо всем случившемся.

– А если позже?

– То твоя задача немного усложниться, так как для начала ты должен будешь сначала найти его, а потом уж действовать, как я и говорил ранее.

– Понятно, – Следопыт встал из-за стола. Поднес тарелку к хозяину таверны и, поставив ее около него, поблагодарил его за вкусную еду. И заплатив за похлебку в два раза больше, чем она стоила, вышел из таверны.

Стоя на улице, Следопыт огляделся по сторонам, поднял голову вверх, соображая каким образом, он сможет найти автобус. У Жреца никогда не было легких заданий для него, но сейчас он даже сам себя переплюнул. Сходи туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что. Искать автобус в лесу, это все равно, что искать иголку в стогу сена. Хотя...

Зайдя в закоулок, и удостоверившись, что его никто не видит, он достал из-под балахона лобля, шепнул ему несколько слов и выпустил.

Если автобус находится в лесу, то через некоторое время он будет знать об этом. Вернувшись обратно, лобль покажет ему путь к нему.

Когда Лунатари сошла с неба, около автобуса появился Военный советник с двумя волоками. Сначала он обошел вокруг автобуса. Потом зашел внутрь, но не найдя никого там, он быстрым шагом вышел из него и подошел к своим спутникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.